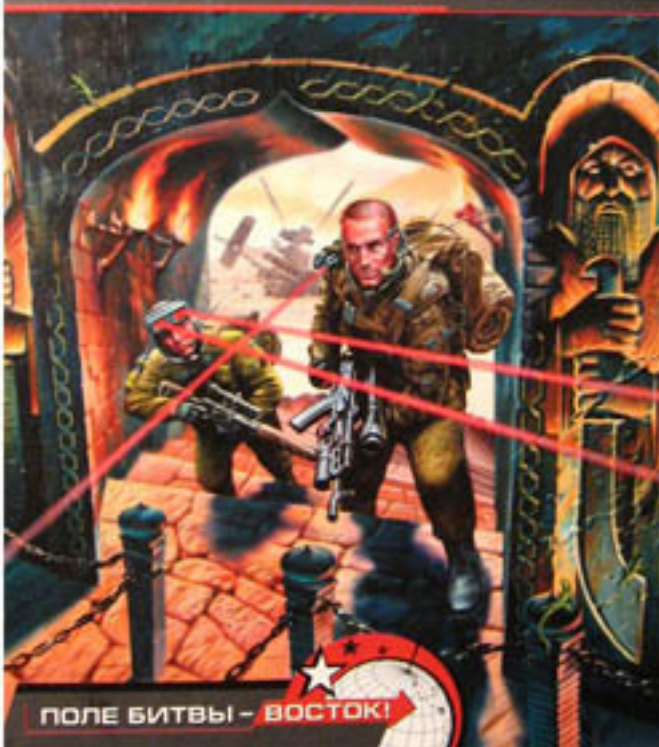

ВОЙНЫ
БУДУЩЕГО

А. Я. ЖИВОЙ

НЕБЕСНЫЙ КОРОЛЬ ПОКРОВИТЕЛИ

ПОЛЕ БИТВЫ - ВОСТОК!

Алексей Живой

Небесный король: Покровители

Серия «Небесный король», книга 2

Текст предоставлен изд-вом
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158342

Аннотация

«Покровители» – вторая книга серии – Когда писался «Эфирный оборотень» шла первая Иракская война, которая началась с захвата Кувейта. А теперь уже сам Ирак захвачен американцами. На подходе война с Ираном. В романе-продолжении они поставлены на место русским спецназом, в рядах которого случайно оказался Антон Гризов, вернувшийся из армии и позабывший о своих возможностях. Но, пришло время, и он вспомнил о своем предназначении. И о том, что может творить будущее. Основное действие романа происходит на территории захваченного американцами Ирака.

Содержание

Глава первая. «Экватор»	4
Глава вторая. «Можно курить бамбук»	35
Глава третья. «Ночные бомбардировщики»	54
Глава четвертая. «Багдадский халифат под контролем»	75
Глава пятая. «Багдад. Миссия начинается»	95
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Алексей Живой Небесный король: Покровители

Алексей Живой **Небесный король:** **Покровители** *Роман*

Глава первая. «Экватор»

...Свои искореженные вертолеты спецназовцы взорвали, чтобы никто не догадался, кто на них летел. Пусть поломают голову. Сейчас важно выиграть время. Бежать после такой жесткой посадки пока никто не мог, досталось всем. Поэтому просто шли, как могли, подбадривая друг друга.

Так прошло часа два, как показалось Антону. Два ужасно тяжелых часа. Солнце все еще жарило как ненормальное, но уже немного приблизилось к горизонту.

– Как думаешь, что это была за стоянка с палатками? – вдруг спросил Костян, поравнявшись с Колей Быстрым.

– Думаю, какая то поисковая партия по нашему профилю. Иначе, зачем им залезать так далеко в пустыню, да еще тащить с собой столько бронемашин и вертолеты.

– Вот то-то и оно, – кивнул Костян, – разумею, что ищут они то же, что и мы. Надо поспешать. А то не ровен час, найдут раньше нас.

– А где мы сейчас?

– Уже недалеко от предполагаемого района, – сказал Костян, – час назад я сверился по спутнику. Максимум день пути.

Коля кивнул.

– Должны успеть.

Гризов, который ковылял сзади за Колей, еле выдирая ноги в ботинках из песка, слышал весь разговор. От него, похоже, и не скрывали этой информации. «Значит, приближаемся. Это хорошо, – думал журналист усталым и ушибленным мозгом, – чем быстрее найдем, тем быстрее вернемся домой. А то эта командировка что-то затянулась».

Постепенно Антон так разомлел, что уже перестал сообщать кто он и где он. Гризов брел по пустыне как перегревшийся механизм, которому было ужасно жарко и тяжело. Рюкзак давил на плечи. Автомат тянул к земле. Антон молча переставлял ноги, даже не глядя под них. Взгляд его затуманился.

За время дневного перехода журналист успел заметить множество ящериц, сновавших под ногами и даже двух змей. Змеи, однако, не проявили к нему никакого интереса и не стали кусать, а уползли своей дорогой в пески. Один раз он услышал отдаленный крик в небе и, подняв голову, увидел

небольшую стаю птиц. Напрягая зрение, Антон признал в них стервятников.

– Не дождетесь, – сказал он кружившим в небе птицам, сплюнул и побрел дальше.

Постепенно зной стал спадать. Солнце опускалось. А когда, наконец, старший объявил привал, журналист сбросил рюкзак, рухнул на него и мгновенно отключился, как перегревшийся механизм. Сколько прошло времени, он не знал. Но когда его растолкали, были уже сумерки.

– Идти сможешь? – спросил Костян.

– А то пристрелите? – уточнил Гризов, перед которым еще все плыло после сна на жаре. Во рту стоял вкус песка, который хрустел на зубах.

– Да нет, обождем пока, может, еще сгодишься, – ответил Костян.

– А надо? – не сдавался Гризов, – вроде вечереет. Может, поспим еще?

– Надо двигаться, – сжег мосты старшой, – А то на том свете отдохнешь. Американцы рядом. Да и по прохладе идти легче.

С этим Гризов не мог не согласиться. Он нехотя встал, надел на себя потяжелевший вдвое рюкзак и побрел за остальными. А все так хорошо начиналось.

Странное дело, если недопить, то не спится. Много алкоголя в крови валит с ног, а немного действует как допинг.

Эту сентенцию Гризов обдумывал лежа на узкой кровати мотеля «Репино» в обнимку с интересной девчонкой. Завали ее Леля. Познакомились они вчера в какой-то кафешке на первой линии Васильевского острова, куда студентов с «журфака» неожиданно занесло отметить окончание очередной сессии. Неожиданно, потому что до этого они отмечали радостное событие целый час в баре по соседству и уже решили, что пора расходится, а то от перепития начнутся студенческие волнения. Остались лишь самые стойкие, среди которых находился и Гризов, радостно выпивавший за прохождение экватора. Однако стоило выйти на улицу и пройти в сторону метро нетвердые сто метров, как обнаружилось еще одно заведение, которое никак нельзя было обделить своим вниманием. Там и продолжили. Там и обнаружилась Леля.

Уже изрядно выпив, Антон вдруг ощутил прилив грусти. Ему вспомнилась армия, подъемы, разводы, кросс по пересеченной местности в противогазе, караулы, ночные кошмары в виде двух ванн с картошкой, которую надо вычистить до рассвета, чтобы успеть заснуть еще на часок. Все это было уже так давно, почти три года прошло, а иногда казалось, что было это только вчера.

По ночам Гризову до сих пор иногда снилось, что вдруг проснется он не у себя в комнатке на Грибоедова, где временно разрешила пожить сестра, а снова на пружинной армейской койке. И ждет его спросонья не медленная чашка кофе перед телевизором, а подъем за тридцать секунд, пока

горит спичка усатого сержанта, а потом бег от инфаркта с голым торсом да в кирзовых сапогах.

Когда такое накатывало, казалось, что эти впечатления не выветрятся никогда. Слишком уж яркими они казались, особенно поначалу. Но к счастью Гризов находил в своей новой мирной жизни много такого, что подтверждало древнюю мудрость, – время лечит.

Хотя некоторые его сослуживцы так и не смогли преодолеть жизнь по распорядку. Армия засосала их целиком. За два года службы армия позволила им понять, что распорядок это как раз то, что наполняет их жизнь смыслом. А точнее позволяет не забивать голову заботами о завтрашнем дне. Некоторых она растворила в себе навсегда, сделав прапорщиками. А другие трансформировались уже на гражданке. Например, Малой, сидевший в армии за «Роялем», соседним с постом радиоперехвата Гризова, пропьянствовав, сколько положено, очень скоро разыскал поблизости от места своего проживания воинскую часть и опять пошел служить, только теперь по контракту. А Майкл подался на службу в милицию. Сменил один устав на другой. Распорядок – великая вещь. Многие без него просто не могут выжить.

И только Гризов наслаждался жизнью на воле. Ему до чертиков надоел забор, который два года отделял его от мирной жизни. Возвращаться назад не хотелось ни за какие деньги, а тем более, добровольно. Хотя, глядя на тех, кто не служил и хвастался этим, Гризов поглядывал на них презрительно.

Словно это были какие-то импотенты по сравнению со здоровыми мужиками, оттянувшими свое. Все-таки служба в армии позволяла понять, что такое свобода и заставляла ее ценить. Хотя бы за это стоило сказать ей спасибо.

Антон уже давно перестал шарaxаться от офицеров и отдавать им честь, ибо гражданская одежда хранила его как шапка невидимка. Офицеры и армейские патрули его теперь просто не замечали, не обращали внимания. Одно это поначалу забавляло. Потом прошло.

Воспоминания об армии чаще всего приходили только по ночам вместе со смутной тягой к каким-то полетам и превращениям. И приходили он с каждым годом все реже. В первые месяцы на гражданке Гризов даже сходил на прием к «психу», то бишь к психотерапевту, желая выяснить, не повредился ли он в уме за время прохождения армейской службы, не считая плоскостопия и «грибка» приобретенных дополнительно. «Псих» никаких особенных отклонений, кроме излишней впечатлительности не обнаружил. Это обнадеживало. Врач посоветовал больше гулять и не брать в голову всякую ерунду про армию, постепенно само пройдет. А если интересно, то записывать хотя бы месяц подряд все свои сны. Для этого нужно купить тетрадку с ручкой и положить их рядом с кроватью. Просыпаться среди ночи и, пока не забыл сон, записать его крупным почерком. Главное не смотреть в окно, а то все сотрется из памяти. Так мол, сам сможешь проследить за тем, что тебя сейчас мучает, а что уже нет, ибо

во снах отражается все, в чем ты себе боишься признаться днем. Время лечит, повторил «Псих» на прощанье народную мудрость. И оно, похоже, лечило.

Антон записывал свои сны полгода. Каждую ночь. И каждую ночь ему снилась армия в каких-то фантастических декорациях. Словно это была не настоящая армия со всеми тяготами службы, а съемки боевика про российскую армию в Голливуде. В центре была армия, в вокруг всякие готические замки, небоскребы, горы, моря, пришельцы из далекого космоса и потустороннего мира. Постепенно армия во снах пошла на спад, как и предсказывал «псих». И, прежде всего это было связано с новой гражданской жизнью, которая давала новые острые ощущения, медленно, но верно вытеснявшие старые.

...Первым шел Голуаз, Костян замыкающим. Присматривал за немного расклеившимся журналистом. Когда стало прохладнее, мозг начал постепенно оживать. Ночью идти оказалось заметно легче. Перед выходом слегка перекусили сублиматами, на которые желудок Гризова не видевший ничего с момента высадки на берегу Ефрата, откликнулся положительно. Конечно, хотелось мяса и пива, но на безрыбье, как говорится, и рак рыба. Журналист подумал, что съел бы сейчас целого слона.

Когда зажглись первые звезды, и на земле наступил крошечный мрак, Гризов решил, что спецназовцы сбрендили, —

идти сквозь такую темень по пустыне, в которой еще неизвестно что водится, было безумием. Но они, как ни в чем не бывало, слазили в рюкзаки и достали оттуда компактные приборы ночного видения. У журналиста в рюкзаке отыскался такой же.

Смотреть на мир через прибор ночного видения Гризову показалось даже забавным. Все выглядело как в фильмах ужасов, каким-то мрачно зеленым. Но зато прорисовались очертания песчаных холмов, и стало возможно продолжать движение. Беспокоило Антона только то, что змею в этот прибор все равно не разглядишь. А змей он не любил. Они мелкие и ядовитые. Наступишь, – не обрадуешься. Но, Гризов старался об этом не думать, вяло шагая по ночным пескам. Чтобы как-то себя отвлечь от тяжелых мыслей, связанных с опасностью для жизни, Антон стал думать на отвлеченные темы в планетарном масштабе.

«Интересно, рассуждал он, где мы сейчас вообще-то находимся? Летели вроде бы на юг от Евфрата. Хотя, я отключался в вертолете, могли ведь повернуть куда угодно. Но если все же на юг, то значит углубились в сторону границы с Саудовской Аравией. Хотя какая здесь граница, наверняка ни дорог, ни постов, ни КПП ни таможи, здесь ведь кругом пески. Документов никто не спрашивает. А попадешься американцам, так просто расстреляют...»

И вдруг он отчетливо вспомнил, где видел того американца, вылезавшего утром из палатки. Во время их прошлой

встречи, тот тоже вылезал и смотрел на него пристально, Только вылезал он из машины оккупационного командования и смотрел на Гризова, как тот снимает убитых на перекрестке американскими солдатами женщин. Это был один из тех генералов. Только что он делает здесь, в пустыне, за сотни километров от Багдада, машин и нормальных дорог?

«А что я здесь делаю? – подумал Гризов и устало вздохнул».

Одно поступление в институт с ходу без подготовки, спустя два года армии, вызвало колоссальный стресс, как было теперь модно говорить, и наполнило Гризова радостью. Для начала он радовался целый месяц. Потому что в конце этого месяца, выяснилось, что четверки по французскому («вы хорошо говорите, четверки вам хватит для поступления»), полученной на вступительных экзаменах, для поступления не хватило. Именно этого бала. А лето было почти потрачено. Je ne mange pas six jours, как говорится. Нужно было что-то решать. А было это еще в те замечательные времена, когда, не поступив на одно отделение, просто перевестись зачетом на другое было невозможно. Нужно было пересдавать все экзамены. И Гризов решил пересдавать на заочное, где приняли во внимание его предыдущие успехи, но сдавать пришлось все по новой. И он сдал, и стал студентом-заочником «журфака».

Как оказалось, это был не самый плохой вариант. Очень

скоро обнаружили очевидные полюсы для активного человека: учиться надо было только две недели в году, правда, целых шесть лет. А временной промежуток между сессиями заполнять написанием нескольких курсовиков, да прочтением нескольких толстых и мутных книг типа Маразма Роттердамского, который к концу книги сам забывал, о чем писал в начале.

В общем, получалось все логично, вроде бы и при деле, учишься, то есть. И в то же время масса свободного времени, можно и поработать. Гро'ши, в конце концов, тоже пора было зарабатывать, хотя бы на тот же студенческий образ жизни. А образ был прост и понятен, – гуляй пока молодой. Чем, собственно, Антон и занимался все свободное от обучения время. Особенно первое время. Но потом, попив и погуляв, освоившись на гражданке, все-таки мирная жизнь брала свое, призадумался хлопец о выборе пути жизненного после поступления в Университет. Пораскинул мозгами и пошел зарабатывать журналистский опыт.

Начать решил с малого, – стать телезвездой. Благодаря природной наглости пристроился на питерском телевидении среди известных товарищей. Умудрился даже годик поработать корреспондентом в передаче «Адамово ребро», сняв на этом поприще несколько сюжетов про интересные личности. Работал не за страх, а за совесть. Ночей не спал. Но когда в его молодые годы от такого напряжения вдруг начало сдавать здоровье, он понял, почему все журналисты и режиссеры те-

лецентра квасили по черному. Тогда он впервые осознал, какой напряженной была у журналистов работа. Про опасность для жизни узнал позже, когда, отчаявшись ждать миллион долларов, ушел через радио в газету «Северная стрела» на более твердые деньги, благо писать сочинения всегда умел.

Сначала работал репортером в отделе новостей, – писал про всякие телекоммуникационные штуки, буйным цветом после перестройки появившиеся на широких российских просторах и, само собой, в Питере. Писать про все это ему было сподручно, как-никак «Радиополитехникум» закончил, только из армии, из войск, где этих штучек видимо-невидимо было. Но действительность превзошла все ожидания: прогресс не стоял на месте. Заокеанские некогда недруги, предварительно проплавив откат в министерство Связи, повнезели в постперестроечное пространство необъятной России множество всяких телефонных станций, эшелоны пейджеров и даже внедрили новейшую для нас мобильную связь, на корню задушив кое-как развивавшийся собственный рынок телекоммуникаций. И это все, не говоря уже о компьютерных технологиях, которые шагали по стране семимильными шагами. Компьютер быстро перестал быть чем-то огромным, занимавшем всю стену в НИИ «Электротехники», ужавшись до размеров чемоданчика с телевизором.

Об этом корреспондент «Северной стрелы» Антон Гризов и писал. Сначала ему пришлось целый месяц потратить

на то, чтобы серией публикаций в стиле «точка-тире» объяснить далеким от связи обывателям значение и назначение прибора со странным названием пейджер. Что тут нажимать и где у него кнопка. Однако, усилия не прошли даром. Пейджинговые компании открывались одна за другой, росли как грибы после дождя, обещая переплюнуть друг друга качеством связи и таинственными дополнительными услугами. Скоро простой народ, благодаря стараниям Гризова, принял пейджер и породнился с ним. А когда это, наконец, произошло, этот вид связи постепенно стал терять популярность. Самые продвинутые пользователи пейджеров уже прикупали себе мобильные телефоны стоимостью в несколько тысяч долларов. А купив, радостно таскали их за собой, в виде небольшого ящичка с ручкой, антенной и супербатарежкой, поскольку просто в карман все это еще не влезало.

Рынок телекоммуникаций быстро рос, развивался прямо на глазах, сменялись целые поколения приборов и появлялись новые технологии. Уделив часть жизни описанию рынка телекоммуникаций, Антон в силу универсальности натуры и врожденной любознательности ко всему запутанному и скрытому от первого взгляда, как-то плавно перетек на сопредельные темы. Это были: электроника на службе у разведки, промышленный шпионаж, чужие среди нас, новейшие средства вооружения и др. Острота темы его привлекала. А поскольку прогресс не стоял на месте, и новейшее оружие уже давно было напичкано радиопримочками, даже

простой американский пехотинец был обвешан ими как новогодняя елка, то Гризов как-то параллельно начал писать и обо всем оружии, а также обо всем что летает, плавает и ездит. В общем, о транспорте. Хотя чаще всего этот транспорт имел вседорожное шасси или гусеницы, комбинированную броню и башню со 125-мм пушкой. Ну, или, на худой конец, два турбореактивных двигателя, размах крыльев тринадцать метров и бомбы с оптическим наведением, а в целом до двадцати двух тонн боевой нагрузки в бомбоотсеке на выдвигающихся пилонах.

С падением международных барьеров, весь этот транспорт пришел в движение и стал часто выставляться на всевозможных авиашоу и танкодромах, не столько, для того чтобы повеселить падкую до развлечений российскую публику, а просто потому, что стал товаром, за который дорого платят. Весь этот транспорт летал, выделявая всевозможные пируэты, плавал и стрелял, чтобы показать высоким гостям из жарких восточных стран воочию, чтобы те смогли оценить в деле всю мощь российской армии, до сей поры спрятанную от посторонних глаз. При этом генералы тактично намекали восточным друзьям, что эти изделия стоят гораздо ниже, чем предлагают за аналогичные вещи американцы. Что за те же деньги здесь в России можно затарится по полной программе, а не на пятьдесят процентов как в США. За один визит вполне реально вооружить новенькими танками и противоракетными комплексными целую дивизию. А если заплатить

наличными и чуть мимо кассы, то и две дивизии. О таких пустяках, как вывезти с территории страны эшелон неучтенных танков, гостей просили не беспокоиться, – этот сервис российская сторона брала на себя.

...В последние полчаса Гризову стало казаться, что он слышит какое-то шуршание по сторонам от их небольшой колонны. Несколько раз он даже замечал какие-то низкие тени и слышал отдаленное поскуливание и повизгивание. Пустыня совсем не вымирала ночью, как могло показаться, а наоборот оживала. Отовсюду на путников, забредших в самое сердце песков, таращились сотни настороженных глаз. И это очень нервировало журналиста, который при каждом новом звуке все крепче сжимал автомат. Ему казалось, что со всех сторон за ним наблюдают хищники. Он читал, что в местных пустынях довольно богатая фауна. Здесь во множестве водятся гепарды, которые охотятся на антилоп. Львы, гиены, волки и шакалы. Ну, и само собой разумеется, всякая мелочь, включая тушканчиков.

Поэтому, когда впереди раздался грозный рык, журналист не удивился, а скорее испугался. Все-таки встречаться ночью со львом, ему не хотелось. Перехватив свой автомат покрепче, Антон осторожно двинулся вперед, где, слившись в один клубок, по земле катались человек и зверь.

Это был Голуаз, который пытался оторвать от себя здорового волка, мохнатую шею которого изо всех сил сдав-

ливал двумя руками. Антон хотел выстрелить, но побоялся убить человека. Пока он решал, что делать, из-за спины появился Костян с ножом в руке и, изловчившись, одним точным движением всадил широкое лезвие волку в бок и с оттягом вытащил обратно. Раздался дикий вой, от которого у Гризова мурашки забегали по коже. Голуаз сбросил с себя раненного волка, выхватил свой нож и быстрым движением перерезал ему глотку, прикончив зверя. На землю полилась еще теплая кровь черного, как казалось в прибор ночного видения, цвета. Немного подергавшись, волк затих.

– Здоровая сволочь, – сказал Голуаз, отряхиваясь, и убирая нож в специальный карман, – спасибо, старшой.

– Не порвал он тебя? – уточнил Костян, убирая свой нож.

– Обижаешь, – обиделся Голуаз, – нас хорошо учили. Я бы его сам порвал, если б ты не поторопился с подмогой.

– Ну, извини, – ответил Костян, – в следующий раз дам тебе шанс разобраться самостоятельно.

В этот момент снова послышался близкий вой.

– И этот шанс не так далек, – проговорил подошедший Коля, и, обернувшись ко все еще сжимавшему автомат Гризову, добавил, – погоди палить, журналист. Не шуми раньше времени. Эти волки вряд ли снова сунутся. Хотя, кто их знает. Тут другое интересно.

Голуаз и Костян, отвлеклись от волков, уставившись на Колю.

– Я метрах в пятидесяти наткнулся на какой-то колодец.

Кладка из сырцового кирпича, древняя. Но с ним что-то не так.

– Что не так? – уточнил старшой.

– С виду, колодец как колодец, только пересохший. Но метрах в ста отсюда еще один есть. Я туда камушек бросил, а там «дз-и-нь», решетка. Спрашивается, зачем?

– Вентиляция? – спросил Костян.

– Надо проверить. Да и квадрат подходящий, сам знаешь.

Костян задумался, стоя над трупом убитого зверя. Наконец, решил.

– Тебе повезло, журналист. Встаем здесь до утра. Осмотрим местечко. Можешь вздремнуть чуток.

Гризов посмотрел на почти впитавшуюся в песок лужу крови, послушал отдаленный вой волков и переспросил:

– Вздремнуть? Да я до рассвета глаз не сомкну.

– Это ты зря, – хлопнул его по плечу Коля Быстрый, – расслабляться надо в любой обстановке.

Долгое время Антон писал о всяких новинках в области российского и заграничного вооружения, причем был патриотом и хвалил, естественно, свое, родное: самолеты, корабли, танки. А поскольку все это выставляется на различных салонах в разных городах, вынужден был все это посещать лично. Завел связи, познакомился с главными конструкторами многих боевых машин, военными чинами, примелькался. Его стали любить генералы и полковники, причем да-

же ФСБ и ГРУ, ибо он без дополнительных затрат со стороны «Закрытого Акционерного Общества имени Дзержинского» пропагандировал русское оружие. А у газеты «Северная стрела» после смены ориентации Гризова с чисто связанных новостей на военно-шпионскую тему с примесью криминала только прибавилось читателей. В итоге все были довольны: и военные, и начальство, и сам Гризов.

Пока с течением времени Антон не начал понимать, что оружие продается хорошо, только определенная часть денег идет мимо кассы государства. Точнее, неопределенная часть. Но, явно не малая толика. Танки пропадают целыми эшелонами, а корабли выходят из портов на российские маневры, а обнаруживаются спустя месяцы где-нибудь в составе суринамского военно-морского флота. И все шито-крыто. Взыграло тут в нем журналистское чувство гордости. Захотелось вывести на чистую воду парочку нечистых на руку генералов. Да и за державу стало обидно. И как-то само собою сложилось, что начал он по собственной инициативе расследовать дело о пропаже в лесах дальневосточного региона эскадрильи одноместных всепогодных ударных истребителей «Су-35». Размах крыльев почти пятнадцать метров, потолок – восемнадцать тысяч, максимальная скорость, – две тысячи пятьсот пятьдесят километров в час. Отличная машина. Таких пропало целых пять штук.

Был слухок, что незадолго перед тем интересовались этой машиной северные братья корейцы и восточные братья ирак-

цы. И тем и другим машина понравилась. Гризов даже был на одном из первых полузакрытых авиасалонов, из тех, куда допускали только парочку «своих» журналистов, где и наблюдал воочию активный интерес к «Су-35» одного корейского генерала по имени Чен Чжоу. Его иракский коллега, Рушди Хезбаллах, также присутствовал, и даже сквозь солнцезащитные очки на его обожженном восточным солнцем и овеванном ветрами пустыни лице читался неподдельный интерес к замечательной русской машине «Су-35». А уже летчики-испытатели, которым было поручено представить всепогодные истребителей иностранным гостям, постарались на славу. «Сушки» крутились в небе над аэродромом как заведенные, поливая огнем вероятного противника в воздухе, эффектно долбали ракетами специально отстроенные цели на земле. А в завершение устроили настоящий воздушный бой с показом всех фигур высшего пилотажа. Судя по лицам, оба иностранных гостя остались довольны, хотя и не смотрели друг на друга.

Сначала Гризов даже подивился недогадливости организаторов этого шоу, – гости могли разъехаться обиженные отсутствием эксклюзивного права первой покупки. Не лучше ли было устроить отдельные шоу для каждого? Но потом, поразмыслив, глядя на восторженные лица иностранных генералов и хитрые лица наших военных, пришел к выводу, что все сделано правильно. Рынок есть рынок, теперь Чен Чжоу и Рушди Хезбаллах будут стараться опередить друг друга, ес-

ли решение уже есть, и быстрее купить самолеты, что только на руку нашим военным. Со стороны «Росавиапрома» сделку курировал генерал со звучной фамилией Громов. Антон после шоу попытался было сунуться к нему с вопросами по поводу исхода сделки, но Громов отмахнулся, мол, ничего не ясно пока, да и вообще это секретная информация, быстро сел в свою черную волгу и уехал. Поговорить с Чжоу или Рушди было вообще невозможно, оба были окружены охраной, общались только через переводчика, да и вели себя как приснопамятные члены Политбюро КПСС или нефтяные шейхи, коими и являлись. Гризов все же решил попытать счастья, журналистская наглость его не раз выручала, и направился к северокорейскому генералу. Но Чен Чжоу, едва завидев на его кармане бэйдж с международной надписью PRESS, отвернулся и демонстративно покинул место проведения аэрошоу. Его иракский коллега сделал это несколько медленнее, но Гризов предпринял попытку приблизиться к его телу с тем же результатом.

В итоге, вернувшись из поездки в редакцию, Антон написал рекламную заметку про русские самолеты и вскользь упомянул о проявленном двумя генералами к «Су-35» интересе. Других фактов не было. На том и хотел забыть об этом событии. Но спустя три месяца случайно из достоверных источников к нему просочилась информация о встрече под Питером на одном из военных аэродромов генерала Громова и северокорейского генерала Чен Чжоу. Иракского лидера

по имени Рушди Хезбаллах там уже не было. На этой встрече дорогому гостю снова был продемонстрирован «Су-35». Гризов, воспользовавшись своими связями с военными летчиками и пробрался на закрытое шоу. Громову старался на глаза не попадаться. После поездки отписал небольшую заметку о неослабевающем интересе иностранной стороны, в которой угадывалась Северная Корея, к русскому всепогодному истребителю «Су-35».

Не прошло и пары дней с момента публикации заметки в газете, как редактору позвонили из компетентных органов и попросили больше не касаться этой темы, ибо контракт на продажу еще не подписан, а своими действиями журналист Гризов нанес ущерб государству, разгласив секретную информацию. Сажать его пока не будут, ограничиваются для первого раза официальным предупреждением газете. Редактор поразмыслил немного и оставил вопрос Гризову на откуп, больно уж тема интересная.

– В общем, так – сказал Свен Иванович, главный редактор «Северной стрелы», – Следующая публикация должна быть забойной. Про мелочевку на эту тему забудь. Напечатаю только большую разоблачительную статью, от которой у читателей волосы дыбом встанут повсеместно. Так что, копай, милоч, глубже. Как сможешь. Хочешь писать дальше, – пиши. Только проблемы сам решай и за жизнь свою сам беспокойся. Конечно, могут наехать и на газету, но это вряд ли, проще с человеком пообщаться. Хотя структура государ-

ственная, так что и официальный наезд не исключается. Ну, а выкрутишься, я в долгу не останусь. Вот им место редактора новостей у меня скоро освободится, Боря Сергеев уходит через несколько месяцев.

Спустя неделю, пока озадаченный журналист размышлял на эту тему, пришла информация, что начальник авиабазы, на которой проходило последнее шоу, где незримо присутствовал Гризов, внезапно был уволен в запас, хотя до пенсии тому было как до луны. Молодой был еще мужик. Гризов находился с ним во вполне приятельских отношениях, потому и пробрался на это злополучное шоу. А теперь получалось, что крепко подставил своего информатора. Решил, что заедет как-нибудь с извинениями, да закрутился с работой, журналиста ноги кормят, как говорится. А спустя еще месяц узнал, что начальник авиабазы умер от сердечного приступа.

Вот тут Гризов озадачился крепко. Мужик тот был молодой и стойкий. Литра два водки выпивал запросто и потом мог еще в прорубь нырнуть пять раз подряд. А тут, бац, одно за другим, – увольнение, инфаркт. Конечно, от такого кто угодно запьет горькую. Но не такой это был мужик, чтоб сразу умирать.

И все же теперь Гризова начал грызть червячок сомнения: как-то с этим контрактом складывалось все не слава Богу. Однозначно, что-то темнили наши генералы. И решил Антон теперь уже точно во всем разобраться. Влезть по самые гланды. Если ошибся и все чисто, поднимет престиж роди-

ны на недостигаемую высоту. Если чего накопает, глядишь, и правда повышение выйдет.

...На утро группа осторожно обследовала два найденных колодца и прилегающую к ним территорию. На площади в пару километров нашли еще семь. Как две капли похожие один на другой. С виду все походило на обычные древние колодцы, вырытые еще первыми арабами, появившимися здесь в седьмом веке. Все они были узкими, глубокими и высохшими, но в каждом, метрах в десяти от поверхности находилась решетка. Арабам такие конструкции источников были без надобности. Спецназовцы долго бросали туда камни, и, в конце концов, решили, что воды в них никогда и не было. Очень уж все это походило на подземный военный объект, а колодцы на замаскированные вентиляционные шахты.

Гризова все это заинтересовало не меньше чем спецназовцев. Настолько, что даже усталость забылась на время. Был ли этот объект покинутым или действующим сразу не понять. Сверху один песок. Может быть, это вообще было что-то более древнее, чем тайны современных властителей. А если военный объект, то чей? Скорее всего, Саддама Хусейна, где он прятал свое тайное оружие. В любом случае это надо было проверить. Но чтобы проверить, сначала следовало отыскать вход. А входа пока не было. Да и место было какое-то странное. Все это чувствовали. На первый взгляд пески кругом не изменились. Все те же барханы до горизонта

и палящее солнце. Но энергетика была совсем другой. Даже стервятники здесь не кружили, хотя в небе над древним водоемом им самое место. И зачем здесь нарыли столько колодцев, уходящих в глубину?

Возможно, когда-то здесь проходил караванный путь из Медины в сторону Междуречья, и на этом месте останавливались сотни людей, чтобы отдохнуть и напоить верблюдов. Может и так, но решетки оказались вполне современными. Голуаз спустился на веревке в один из колодцев и обследовал ее, – древним арабам сварка была не под силу. Колодец за решеткой уходил далеко в глубину. Причем, Голуазу даже показалось, что оттуда тянет ветерком. А это наводило на мысли о подземных ходах, соединявших найденные колодцы между собой или с чем-то еще.

– Ладно, – наконец изрек Костян, затапывая окурочку в раскаленный песок, – первым идет Голуаз. Двигаться осторожно. Если все чисто, спускается Коля Быстрый, журналист и я. Посмотрим, что это за тайная пещера.

Едва Антон принял решение, как скоро события начали разворачиваться сами собой, словно по сценарию. Спустя две недели пропали самолеты. И Гризов начал работать. Связался с дальневосточными журналистами, сам организовал задание, и сам съездил по заданию редакции на место. Закинул массу удочек, надавил на все педали, но безрезультатно. Эскадрилья «Су-35» как сквозь землю провалилась. Старто-

вала на рассвете с секретного аэродрома неподалеку от реки Уссури, по плану должны были отрабатывать «встречу» звена стратегических бомбардировщиков противника над японским морем и спустя полчаса после старта звено пропала с экранов локаторов. Мгновенно, словно кануло в бермудский треугольник.

Гризов проторчал на дальнем востоке целый месяц, облазил все прибрежные сопки и военные части, куда пустили. Поговорил со всеми военными чиновниками и официальными лицами, пользуясь своей репутацией, но в результате добился всего лишь скупой информации о том, что ведутся поиски в таком-то квадрате японского моря на предмет обнаружения упавших самолетов. Нет, упасть в море они, безусловно, могли, только Гризову было очень трудно убедить себя в том, что у всех пяти новехоньких истребителей вдруг одновременно отказали моторы. Никаких перестрелок или признаков воздушного боя средствами ПВО отмечено не было или, по крайней мере, не сообщалось.

Самолеты стартовали с полными баками, что по нынешним бедственным временам, было просто расточительством. А с полными баками они могли легко дотянуть до соседних стран. И до Японии и до Корейского полуострова. Впрочем, в этих странах никто шумихи не поднимал. Возможно, это было сделано специально, но самолет не иголка, тем более пять самолетов. А Япония и Корея страны маленькие, кто-нибудь да заметил бы прибытие пяти иностранных военных

самолетов или засек в полете. А уж журналисты раскрутили бы эту тему в два счета, и поднялся бы такой шум на весь мир. Но со всех сторон над делом висела глухая тишина.

Лазая по прибрежным дальневосточным сопкам, общаясь со внезапно потерявшими дар речи генералами, пытаюсь проникнуть в суть вещей, Гризов ловил себя на мысли, что ко всему этому набору ощущений примешивалось какое-то странное чувство, словно не так давно он лишился каких-то возможностей, что-то утерять в своей новой гражданской жизни, оставив в прошлом. Забыл накрепко. Прав был «псих», время лечит. Память стирала все ненужное.

Так ничего и не добившись, Антон вернулся в Санкт-Петербург. Слил всю информацию в специальный файл, но все собранное тянуло пока в лучшем случае на антураж, справочную информацию, а самой идеи еще не было. Не сформировалась.

Решив, что еще рано и материал не созрел, Антон переключился на менее важные вещи, благо работы по его профилю было, хоть отбавляй: обстановка в мире начала накаляться.

Так прошло около трех лет. Какие-то борцы за справедливость шарахнули по небоскрегам в Нью-Йорке. Мир вздрогнул от неожиданности: наконец-то нашлись люди способные наказать Америку, родину зарвавшегося быдла с деньгами, которые давили им на мозг. США срочно надо было кого-нибудь убить, чтобы доказать всем, что козлами отпущения

должны быть все, кроме американцев, которые никак не хотят платить за свои преступления. Буш нашел такого козла отпущения в Афганистане, подальше от своих границ. Обвинил собственноручно вскормленного лидера террористов Бен Ладена в нарушении прав частной собственности американских граждан, подогнал поближе военный флот, подкупил соседние племена бедуинов, отпустил долги Пакистану, и начал новую войну в пустыне, подняв там целую бурю.

Пока американцы в очередной раз затевали войну ради свободы своей нации и порабощения всех других наций, Гризов по-прежнему старался отыскать след эскадрильи пропавших самолетов «Су-35», дело о которых стало его делом чести. Хотя за прошедший период случилось много интересного, от пропажи новейшего миноносца, до поезда с бронетранспортерами на границе с Румынией. Однако, новая информация по делу истребителей, как его окрестил Гризов, поступала крайне скудно. Армейская прокуратура открыла уголовное дело по факту очередной преступной халатности в армии. Из-за разрешения взлета самолетов с полными баками, два старших прапорщика было разжаловано в младшие. А впредь было велено выпускать самолеты на боевое дежурство только с половиной запаса горючего в целях экономии государственных средств. Эскадрилья «Су-35» была признана пропавшей без вести, хотя все считали ее потерпевшей крушение, а летчиков погибшими. Дело было закрыто.

Но только не Гризовым. Почти сразу после нападения США на Афганистан Антон засек приезд в Москву с неофициальным визитом Рушди Хезбаллаха, который опять посетил авиашоу, только теперь в «Жуковском». Его не представили гостям, но Гризов узнал иракского генерала, который за это время ничуть не изменился. Разве что стал еще более загорелым.

...Продвигаясь третьим по тоннелю, Гризов настороженно озирался по сторонам в поисках чего-то необычного. Кладка стен была самая настоящая: древние выщербленные камни. Воздух сухой, но не такой как наверху. Дышать можно. Никаких современных проводов и металлических дверей. Только происхождение решеток не давало покоя.

Так они шли довольно долго по каменистой почве. Больше часа. Тоннель начал петлять, трижды разветвлялся. На каждом из поворотов Голуаз ставил маячки и двигался дальше. А когда они набрали на широкий зал, своды которого терялись в вышине, даже устроили совещание. В одной из стен Голуаз обнаружил высеченные в камне огромные пятиметровые статуи каких-то горных старцев с бородами и кривыми мечами. Вид они имели устрашающий.

– Как ты думаешь, – спросил журналист, приблизившись, у Коли Быстрого, – кто это?

Коля долго смотрел на зал, дальние концы которого терялись во мраке даже в приборе ночного видения. Потом пе-

ревел взгляд на изваяния старцев и также долго смотрел на их жесткие лица и оружие.

– Не знаю. Какая-то секта, наверное. А может быть, предводители тайного ордена. Мысль, конечно, есть. Но, не уверен. Их же в этих местах в древности было великое множество.

Стоявший молча позади них Костян, прислушавшись к разговору, сказал:

– Коля посмотри-ка стену за этими старцами. Может, найдем что интересное.

Коля с автоматом наперевес осторожно двинулся вокруг статуй. Обойдя крайнюю статую старца, он исчез из вида. Радиомолчание длилось так долго, что Гризов уже решил, что Колю съели местные духи подземелья.

– Здесь дверь, – раздалось в наушниках у остальных спецназовцев, – причем хорошая дверь. Древняя, но петли смазывали недавно.

Спецназовцы приблизились. Дверь действительно походила на вход в чертоги Али-бабы. Испещренная арабской вязью, сводчатая, окованная пластинами из неизвестного металла, она казалась неприступной. Тем более, что никаких отверстий для ключей рассмотреть не удалось. Похоже, он открывалась изнутри.

Коля любовно погладил высеченные по металлу арабские буквы.

– Жаль будет выносить такую красоту, – и обернулся к

Костяну, – да, старшой?

– Ага, – кивнул Костян, – давай взрывчатку. Сдается мне, за этой дверью местные старцы что-то от нас прячут. И думаю, что это не золото. Надо проверить.

Не успел он произнести это, как дверь ожила. Она сдвинулась со своего места и быстро отъехала в сторону. Из открывшегося проема ударил яркий свет, ослепив людей. Все четверо с дикими криками схватились за глаза и попадали на колени. А затем из проема послышалось злобное шипение.

В первую секунду Гризову показалось, что это шипят сотни разъяренных змей, выползая из проклятой двери, но, когда он вдохнул воздух, то все понял мгновенно. Последнее, что он помнил, прощаясь с жизнью, – была пятиметровая фигура каменного старца с кривым мечом в руке, нависшая над ним. И еще одно воспоминание отпечаталось в мозгу, смешавшись со старцем: Рушди Хезбаллах в окружении гвардейцев с короткими автоматами.

Антон тоже был на том авиасалоне. С первой встречи прошло почти три года. «Неужели мы так еще и не продали иракцам наши самолеты, – удивился Гризов, – или речь уже идет о новой партии?». Хотя никаких официальных заявлений не было, за это журналист мог поручиться. Словно корову продавали. Антон по долгу службы слышал однажды о том, как русские продавали авианосец индусам. Там вообще ушло несколько лет на предпродажную подготовку. Ну, тай-

на есть тайна, тем более, государственная.

В тот день ему удалось вывести из неофициальных источников, что Рушди в иерархии приближенных Хусейна поднялся от простого генерала ВВС восточного крыла армии до статуса министра обороны Ирака. А значит, стал еще более интересным клиентом для нашего военного руководства.

После того, как Рушди Хезбаллах побывал в Москве, по дороге в Ирак, он неожиданно переместился в Санкт-Петербург, а оттуда во Псковскую глубинку, где располагалась дивизия ВДВ. Зачем он туда приезжал, Гризову разузнать не удалось, но зато, следуя за кортежем иракского генерала на почтительном расстоянии из Питера до самых ворот дивизии ВДВ, с помощью мощной оптики журналист смог сделать пару фотографий Рушди. Это произошло во время его встречи с русскими генералами на территории военной базы, половину из которых он пока не смог идентифицировать.

Вернувшись из поездки домой, Гризов собирался заняться расшифровкой сделанных фотографий. Но тут подоспела сессия. Рушди Хезбаллах улетел в свой Ирак, овеянный смутными подозрениями Гризова, но ничего более определенного у журналиста пока на иракского генерала не было, равно как и на корейского генерала Чен Чжоу. Если не считать, что самолеты пропали поблизости от территории Северной Кореи. А США опять грозились после Афганистана отделать северных корейцев как Бог черепаху. Даже совместно с англичанами сняли нового «Джеймса Бонда», где

вывели главными злодеями всех времен северных корейцев. Но эти события и желания пока никак между собой не пересекались, поэтому Гризов решил взять тайм-аут и сдать летнюю сессию.

А после того как сдал, решил по студенческой привычке отметить это событие. Отметил, да так классно, что половина сегодняшних событий уже стерлась из его памяти. «Псих» не соврал: время лечит. Причем с возрастом все быстрее и быстрее.

И вот теперь слегка пьяный Гризов лежал на широкой кровати мотеля в Репино. Лежал в обнимку с девчонкой по имени Леля, и уже полчаса добросовестно изучал местный потолок. А сон все не приходил.

Глава вторая. «Можно курить бамбук»

Гризов повернул голову и посмотрел на спящую Лелю. Красивая пьяная брюнетка, что еще надо чтобы хорошо провести время студенту. Ничего не надо. Антон вдруг вспомнил, что ничего о ней не знает. Все произошло так стремительно.

Развязный по случаю гуляния Гризов сходу пристал к девушке в баре, мол, ваш носик хорош в любую погоду. Потянуло на подвиги. Девушка сидела одна за столиком у окна и, как ни странно, сразу откликнулась на пьяные ухаживания. Гризов заказал по коктейлю «Ерш Лайт», как он его называл, то есть водка с безалкогольным пивом. Хлопнули по рюмашке, разговорились. Причем, Леля, как она называлась, не выказывала никакого желания пить вино, или джин-тоник, который требуют, как полагал Гризов, девушки хорошего поведения. Она легко воспринимала водочную основу напитков. Да так, что веселый студент еле успевал за новой знакомой.

Только сейчас, прокручивая в голове события бурного вечера, Антону припомнилась легкая грусть в глазах модно стриженной брюнетки. Может, случилось, что или поругалась с кем, но это Гризову было не важно. Главное, что он по-

лучил отклик. А в том, что ответ на запрос будет положительным, можно было почти не сомневаться. Для молодого и здорового организма все остальное не имело кардинального значения. Во всяком случае, не в первый день знакомства. Поэтому Гризов постарался, как мог ускорить все фазы знакомства, ибо слишком хорошо себя знал, – если не решиться на это в ближайшие полчаса, то потом ему придется увидеть в просто красивой девчонке целого человека, со своими проблемами, и хочешь не хочешь, начать вникать в них, а после этого со здоровым сексом могут возникнуть большие проблемы.

Леля тоже была студенткой, правда, где училась, не сказала. Но Гризов сильно и не допытывался. Пообщавшись, минут пятнадцать в алкогольных парах, оба вдруг почувствовали страстное желание уединиться. Совпало. Но кругом шумела и буянила молодая публика. Студенческие волнения начались. Еще через пятнадцать минут они грозили перерасти в спортивный мордобой. Уединиться здесь было негде. Поэтому когда Антон предложил бросить всех и уехать вдвоем прямо сейчас куда-нибудь за город на финский залив, Леля сразу согласилась. Уговаривать не пришлось.

У Гризова было в карманах немного денег, как-никак уже зарплату получал в родной редакции, и он, не долго думая, тормознул первую попавшуюся «волгу». Уболтал водителя сгонять в сторону Зеленогорска, сговорился о деньгах. Они вдвоем занырнули на широкое заднее сиденье «волги», где

Антон сразу приобнял девушку за плечи, а она не отстранилась. Даже наоборот прильнула всем телом. Почувяв такое безграничное доверие, Гризов даже немного обалдел, но с поцелуями не лез. Держал фасон. Внутренне он даже гордился своим умением вызывать доверие у многих девчонок и выдерживать паузу. Так как-то само получалось. Чувствовал, когда и что надо делать. Не маньяк, но и не рохля. Короче, был бабником в полном расцвете сил.

Пока «Волга» мягко проседая на ухабах Приморского шоссе уносила их из душного города, Антон пытался представить где бы сделать остановку на целую ночь. В Зеленогорске жили друзья. Они, конечно, многое поймут, но нельзя же, в самом деле, заявиться с бухты-баракхты на ночь глядя с незнакомой девчонкой. Если предупредить заранее, то с незнакомой можно, а вот так без предупреждения, не стоит. Дурной тон. «Хотя, с кем они меня только не видели, подумал Гризов, но вдруг у них там, какие дела?». Поэтому к друзьям Гризов решил не ехать. Перекантуемся где-нибудь, лето на дворе.

Проехали виадук через Лисий нос. Голова не варила, хмель бушевал вовсю. Теплое тело слева настраивало исключительно на эротический лад, и оттого настроение у журналиста в загуле было просто замечательное. «А, ладно, по дороге вспомню что-нибудь, еще ехать минут двадцать, решил Гризов, отдавшись романтическому путешествию».

Один раз Антон повернул голову и, наклонившись, поню-

хал лелины волосы, они пахли каким-то тонким, едва уловимым запахом духов, названия которых Гризов не знал, но ему очень понравилось.

Водила, переключая передачи, то и дело разглядывал парочку в зеркало заднего вида. Видимо, никак не мог понять, почему они до сих пор не целуются в засос, ведь все признаки предстоящего были на лицо. Честно говоря, Антон и сам не мог понять почему. Наверное, не привык выставлять на показ свою личную жизнь, хотя по пьянке мог разгуляться так, что море было по колено. Однажды, еще до армии, когда спиртное было в новинку, Гризов так накушался, что провалился в хмельное небытие, а под вечер обнаружил себя сидящим на вершине четырехметровой березы, крепко ухватившись за ее ствол. Береза раскачивалась из стороны в сторону, а внизу стояли менее пьяные друзья и в сотый раз предлагали ему слезть. Когда градус алкоголя в крови немного опустился от прохладного ветра, Антон протрезвел и все-таки слез. Позволил друзьям увести себя спать. А наутро долго стоял под той березой, почесывая затылок и разглядывая ее высоченный ствол с хлипкими сучками. Он никак не мог вспомнить, что его туда занесло, и как он там удержался. Верхушка у многострадального дерева была совсем тонкой, а Гризов к тому времени нагулял добрых семьдесят пять килограмм чистого веса.

Чуть позже по случаю подготовки к встрече Нового года, все в том же юном возрасте лет шестнадцати, Гризов возвра-

щался домой такой пьяный, что, едва выйдя из метро, сходу наехал на толпу из двадцати гопников, которые стояли у него на дороге, мешая пройти напрямик к трамваю. В результате получил легкое мозготрясение и россыпь синяков по всему телу. Все это он обнаружил только утром, разглядывая себя в зеркало и не узнавая. Странно, но он почти ничего не помнил, кроме одной сцены, как он лежал на снегу, а гопники пинали его ногами.

К чувству легкого головокружения и тошноты непонятной природы, примешивались смутные воспоминания о том, как поднявшись и отряхнувшись, Гризов побрел дальше. Но не домой, а свернул в какой-то двор, как зомби вошел в какое-то парадное и докопался ко второй компании гопников, не обращая внимания на рассеченную бровь, из которой еще ручьем текла кровь. На всякий случай его спустили с лестницы. Только после этого он немного успокоился и взял курс домой, хотя русское подсознание все еще тянуло на подвиги, ибо сознание тогда было полностью отключено.

После пары таких случаев, Антон понял, что если часто перебирать с алкоголем, можно влипнуть в какую-нибудь серьезную историю или вообще расстаться с жизнью по пьянке, а этого ему совсем не хотелось. Рановато. К тому времени в голове сами собой уже начали складываться смутные планы на жизнь.

Смерть от передозировки, звучит страшно. А смерть по пьянке, очень глупо, да к тому же как-то очень по-русски.

А Гризов в глубине души считал себя уже на половину немцем. Потому, что много читал всяких психологических книжек и решил поработать над своим характером, избавиться от его плохих черт, чтобы быстрее продвинуться по жизни. Книжки сулили взлет карьеры и миллионы долларов чистой прибыли, которые нужно будет грести не иначе как лопатой, после того как перестроенный характер выйдет на полную мощность.

Одной из таких национальных черт, присущих всем русским, а значит и ему тоже, он считал необязательность. Поэтому стал старательно вырабатывать у себя привычку все делать во время, мало обещать, а уже если обещать, то во что бы то ни стало, выполнять обещанное в срок. Первые плоды появились довольно скоро: он перестал опаздывать, стал больше успевать, научился планировать свои действия и завел ежедневник. Неожиданно для себя, он даже выучил французский язык. Девчонки стали у него списывать. Оказалось, – ничего сложного. Только садись и учи. И пойдет прогресс.

Однако, апофеозом такой работы над собой стало страшное открытие: он вдруг немного отделился от остальных. Как оказалось, опаздывать, ничего не делать и совсем не беспокоиться по этому поводу, было занятием большинства людей вокруг него. А они, в отличие от Гризова, совсем не хотели меняться и работать над собой, ведь это означало дополнительную нагрузку. В лучшем случае им хотелось просто ту-

соваться и делать вид, что заняты серьезным делом. Например, катанием на скейте. Гризов тоже ходил кататься с ребятами на скейте, но не считал, что в этом скрыт смысл всей жизни.

С тех пор он вообще стал зарабатывать репутацию немного странного и задумчивого парня, который думает всякую ерунду и только усложняет себе жизнь в то время, как нормальные люди катаются на скейте и не тратят время на подобные глупости. Как сказал однажды Антону один из тусовщиков, вместе с которым Гризов проводил время, катаясь на скейте, чтобы быть ближе к людям, – «Я дурак, мне все можно». И подобная философия пользовалась большой популярностью в массах.

Мир вокруг начал стремительно меняться в его представлении, Гризов неожиданно разглядел много убогих черт, которых раньше не видел, и которые теперь замутили его первоначальные романтические помыслы.

В двенадцать лет Гризов играл в хоккей вратарем в детском составе команды «СКА» и хотел быть Третьяком, в тринадцать бросил спорт и захотел быть одновременно Робин Гудом и рыцарем Айвенго. В четырнадцать, прочитав всего Дюма, он решил быть Д'Артаньяном, чтобы освобождать прекрасных Констанций и делать блестящую карьеру военного. В пятнадцать уже был «Радиополитехникум» и спирт «Рояль», захотелось быть не просто военным, а разведчиком и тайным агентом. Пятнадцать-шестнадцать-семнадцать

пролетели незаметно. Организм вступил в пору взросления, начал требовать своего, романтического. А душа чего-то загадочного, настоящего, фантастически крутого.

Тут, как раз, родился питерский рок-клуб, и понеслось. Задумчиво-хипповский «Аквариум», музыка для интеллигенции, в которой растворяешься и плывешь. Пить только вино и чай, курить и говорить обо всем под акустику. Прекрасная ты, загадочный я, электрический пес, два-двенадцать-восемьдесят пять, ноль, шесть, – это мой номер, номер, номер. В таком состоянии можно находиться много месяцев напролет, жаль, что иногда надо учиться и работать. Цой, «Кино», алюминиевые огурцы, романтика ночных питерских улиц. Задумчивая грусть и мокрая слякоть, шляпа, шерстяные носки, а когда-то ты был битник, угу-угу-угу. Кинчев, красное на черном, шестой лесничий, мой поезд едет не туда. Романтическая агрессия, разнесенное в пух метро после концертов.

Гризов Кинчева одобрял, но метро не ломал. Не видел в этом смысла. Хотя на концертах всегда происходил мощнейший выброс энергии, каждый воспринимал ее по-своему. Кто-то «круши-ломай», бей «их», они «не наши». А Гризов впитывал эти выбросы энергии в себя. Энергия бродила в нем какое-то время, заставляя ощущать мир острее, а потом находила выход в каких-то творческих вещах, но уже Гризовских. В то время он начал писать рассказы. Передача энергии на расстоянии, как ни крути.

Однако больше всего Гризову нравился «Пикник» своей многоуровневой сложностью. И Цой, и Кинчев, и Гребенщиков, при всем таланте, иногда бывали простыми. Но Шклярский никогда не бывал. Видимо не мог. Своей гитарой или клавишными пассажами Эдик цеплял сразу за сотни чувств. Его музыка была разной. Она то пробивала Гризова, как ветвистая молния, то обволакивала паутиной японских мыслей. От нее было не уйти. Услышав несколько раз «Пикник», Гризов понял, что выбор сделан, это навсегда. Это и есть его любимая группа.

На первом курсе «Радиополитехникума» Антон стал хипаном. Думал, что от души. Честно отрастил волосы, ходил в длинном свитере, катался «на собаках» и по трассе, ночевал в пути, где придется. Жил без денег, вписывался на флэтах, найтовал вместе с другими хипанами. Курил бамбук. Классное было время. Даже сшил себе фирменную холщовую торбу и джинсовый ксивник, как полагается. Обвешавшись всякими феньками, ходил на «Аквариум». Оттягивался по полной программе. Только наркотиков не ел.

Наркотики всех видов существуют для полных дебилов. Расширять границы реальности нужно тем, у кого вообще нет фантазии, то есть ограниченным отморозкам. А таких, к сожалению, было вокруг неограниченное количество. Хиппи одобряли наркотики, в смысле свободы выбора, Гризов не одобрял. Наркотик в любом смысле, — это смерть. И никак иначе.

За два года катания по трассе, Гризов осознал, что больше любит ездить с билетом на поезде и мыться в ванной, чем не мыться вообще и не обращать внимания на свой внешний вид, кроме фенек. Это был раскол в сознании. Первый шаг в сторону цивиллов. Точнее полшага. Об этом ему сказал Профессор.

Это был не тот профессор, который учит, а друг, одноклассник по «Радиополитехникуму». Звали его Роман Кочетков, но по жизни к нему прилипла кличка «Профессор», потому, что это был очень умный парень, шарил в математике, писал стихи, хипповал. Был очень добрым, верил в Бога, не знал, что такое деньги и всем помогал. Гризов захипповал, можно сказать, с ним за компанию. А Профессор был настоящим хиппи. По той же причине жизнь в системе государства российского у него никак не складывалась. Он был очень одаренным, но динамил учебу, писал стихи, но часто прогуливал «Литературу». То есть жил в параллельной системе, в своей. Периодически пропадал на пару месяцев, как потом выяснялось, жил все это время в разных монастырях с монахами, помогая им разгружать уголь, хотя с виду был тщедушный, из серии «плевком перешибешь». В результате его отчислили после второго курса.

Чуть позже, лет через пять, от общих друзей Гризов узнал, что Профессор захипповался до того, что ушел в монастырь. Потом все отучились, переженились, разъехались. Больше Антон ничего о своем друге не слышал.

Но, разобравшись со своим хиппизмом, Гризов стал цивилистом не надолго. Времена были не те, чтобы долго и формально оставаться цивилистом. Времена были неформальные. Веселые времена. Все время тянуло на подвиги.

Спустя полгода Гризов стал анархистом. Из чувства антиколлективизма. Хиппанов было много, рокеров, битников, рокобиллов, металлистов, гопников, тоже. Анархистов было мало. Во всем городе не больше сотни. В «Радиополитехникуме» вообще никого. Гризов стал первым.

Всему виной был матросский бушлат и шерстяные матросские штаны, принесенные отцом невесть откуда. Штаны были на огромных пуговицах, которые застегивались с боку. Это страшно веселило Гризова, но было неудобно. К тому же весили они, – будь здоров. Как матросы несли службу в таких штанах, ему было совсем непонятно. Все что в них можно было делать, это, расстегнув пуговицы по бокам, писать в чистом поле против ветра. Но Антон терпел, оригинальность стоит дорого. Искусство, как известно, требует жертв.

За пару месяцев он полностью справил себе гардеробчик и раздобыл амуницию, без которой просто не мог считаться настоящим анархистом. Прежде всего, бушлат был дополнен тельняшкой, а сверху кожаным ремнем с матросской бляхой и настоящей пулеметной лентой наискосок. Антон искренне верил, что это лента от одного из «Максимов» батки Махно. Кирзовые сапоги. Фуражка бескозырка. За ремнем заткнута еще одна гордость, – граната, спортивная метательная, но

издалека как настоящая. И конечно маузер. Без него никуда. С боку сабля, детская игрушечная, но издалека тоже ничего. В руках бабушкин потертый саквояж типа чемоданчик. И в таком виде, – каждый день на занятия.

Урок математики начинался с того, что Гризов вынимал из-за пояса и раскладывал перед собой на столе все, что мешало ему сидеть: пулеметную ленту, маузер и гранату. Тетрадкам места уже не оставалось. Сабля почти не мешала, но с лязгом бил по железным ножкам стула, когда он вставал отвечать урок.

К счастью учителя были с юмором. Они, конечно, боролись с проявлениями неформальности как могли, но по-доброму. Большинство считало, если ты не дурак и предмет учишь, то тебя не стоит отчислять только за внешний вид, даже в советские времена. Главное чтоб голова варила, и до диплома дотянул. А таких как Гризов, разодетых в соответствии со своими взглядами: красно-черных алисоманов и алисоманок, длинноволосых хиппанов, рокобиллов и битников в коже, с пейсами и саквояжами, было, – хоть отбавляй. Живописное было зрелище.

Так прошел еще год. Гризов немного повзрослел, перестал прикалываться от анархизма, стал прикалываться от литературы и альпинизма. Вскоре он опять отрастил волосы средней длины и сменил бушлат на пиджак. Цепь замкнулась. Цивил – Хиппи – Анархист – Цивил. И вскоре его потянуло к интеллигенции.

А вся интеллигенция в ту пору обреталась преимущественно в туризме, особенно в горном. Поэтому последние пару лет перед армией Гризов провел в горных походах и размышлениях о судьбе и о смысле жизни. А когда долго размышляешь о чем-то, то, в конце концов, приобретаешь привычку думать. А это очень опасная привычка. Неизлечимая. И самое страшное заключалось в том, что Гризов вдруг осознал, что он не дурак. А это означало, что он обречен на вечные сомнения, размышления и самокопания. Не видать ему простой и понятной как трава жизни. Ни хипаном, ни гопником, ни даже простым цивилем. Мозг не оставит его в покое.

Сначала Гризов испугался и, опять было, принялся пить по черному, чтобы затормозить свое развитие. Но ничего хорошего не вышло, кроме стандартного мордобоя. Апопав в армию, кроме своих заморочек, с первобытным ужасом узрел лицом к лицу неприкрытую армейскую жизнь в ее честных неуставных отношениях. Умнее тот, у кого звездочек больше. И ничего с эти не поделаться, такова система.

Но, в итоге, отслужил как надо на точке и вернулся. Посомневался после возвращения из армии немного, но окончательно вывел формулу: раз нельзя тормозить, надо развиваться дальше. Обратной дороги нет. Только вперед. Учится. И пошел поступать в Университет. И поступил. А теперь вот уже прошел экватор.

«Волга» проехала Сестрорецк, очередной курортный городок на пути, и Гризов вспомнил один мотельчик в Репино, немного не доезжая Зеленогорска, небольшой и очень уютный, притулившийся рядом с трассой и почти на берегу Финского залива. Хотя здесь, как ни крути, все было на берегу залива. Даже если ехать на электричке, двадцать минут от станции пешком и ты уже на берегу залива.

Старательно выговаривая заплетающимся языком слова, ибо хмель еще не улетучился, Антон проговорил водителю: – Дуй в Репино. Там тормозни на въезде, мы сойдем.

Репино было уже рядом. Через десять минут, зашуршав шинами по обочине, «Волга» остановилась у мотеля «Озерный край». Антон сунул водителю достаточно денег. Принимая гонорар, водила разочарованно кивал, так и не дождавшись поцелуя пассажиров в засос. Любопытный, зараза.

Гризов тяжело, но с радостью выбрался из машины и помог вылезти Леле, которой было уже хорошо. Вдохнув полной грудью свежего воздуха, они сделали двадцать нетвердых шагов до мотеля, аккуратное двухэтажное здание которого утопало под кронами сосен. Мотель был построен в финском стиле: вытянутое приземистое здание, кирпич, дерево, белые окна. Все просто и понятно. Они сняли на одну ночь угловую комнату на первом этаже, за которую Гризов отдал почти все оставшиеся деньги, и рухнули в кровать. Окна выходили на залив, где понемногу смеркалось.

Для продолжения банкета по случаю знакомства Леля

предложила немного выпить, но только с закуской. Антон прихватил с собой из кафе на Васильевском острове пару бутылок пива, а Леля початую бутылку водки. Студенческая норма. Все это они выставили на столике рядом с широкой кроватью. В сомнамбулическом состоянии, вняв просьбе красивой брюнетки, Гризов поднялся и сбегал магазин, который обнаружился неподалеку. Раздобыл там пяток яблок и бутылку лимонада на утро. Вернувшись, с радостным удивлением обнаружил, что Леля проявила редкую хозяйственность и уже накрыла импровизированный стол: бутылки расставлены, откуда-то появились небольшие аккуратные стаканы, даже шоколадка, развернута и призывно сверкает оберткой. Гризов добавил к столу свои яблоки с лимонадом.

Решив поухаживать за дамой, Гризов накапал ей сто грамм водки, а сам взял бутылку пива «Балтика№6». На предложение выпить крепких напитков вежливо отказался.

– Ну, – сказала Леля, поднимая стаканчик с водкой, – тогда давай выпьем.

– Давай, – подтвердил Гризов.

Они сидели на кровати перед походным столом. Леля выпила первую «рюмку» и принялась за вторую, самостоятельно налив себе еще. Гризов глазом не успел моргнуть, как она проделала эту операцию без посторонней помощи еще дважды, смачно закусив яблоком, а потом шоколадкой. Антон даже не успел проявить себя джентльменом. Это было уже не уместно. В голове крутилось избитое «Между первой и вто-

рой...». Хотя, никаких комплексов Леля при этом, похоже, не испытывала. Зато Гризов несколько озадачился. Либо у девушки было большое личное горе, либо она была здорова пить.

Затем, покончив с большей частью содержимого бутылки, Леля вдруг отодвинув тумбочку с напитками в сторону, набросилась на Гризова и стала срывать с него рубашку. Антон, конечно, ради этого сюда и приехал, но предполагал, что прелюдия будет чуть дольше и романтичней. А тут начался сразу экшн.

– Эй, осторожней – слабо попытался притормозить процесс Антон, – пуговицы оторвешь, это моя новая рубашка.

– К черту рубашку, – выдохнула Леля, – новую купишь.

После этого Гризов сдался. Послал все к черту и позволил древним инстинктам вырваться на волю. Тогда он перехватил инициативу, повалил Лелю на кровать и сорвал с нее все ненужные вещи. А затем мгновенно погрузился в пучину бешеных страстей.

После третьего раза Леля решила закурить. Она нашарила сумочку среди разбросанных по кровати и полу вещей, достала сигареты и лежа на кровати зажгла сигарету. Затем откинулась на спину и, выпустив струйку дыма, прошептала:

– Хорошо.

В комнате царил полумрак. Сквозь единственное окно, закрытое занавесками, пробивались последние отблески летнего заката. Гризов мельком взглянул на девушку из-под

прикрытых век, и снова закрыл их. Ему тоже было несказанно хорошо, но он балдел молча, словно боясь расплескать это состояние через лишние звуки. Но неожиданно для себя вдруг сказал:

– Курят только сексуально неудовлетворенные женщины.

– Я похожа на такую? – переспросила Леля, не поворачиваясь к нему, и погладила себя по животу.

– Не очень, – задумчиво пробормотал Антон.

– Может быть, ты еще и не куришь? – поинтересовалась Леля.

Теперь она подползла поближе и стала гладить его по груди своими пальчиками. Антон как раз подумывал бросить.

– Почти бросил. Кайфа уже не приносит, один вред. А вообще не люблю, когда от девчонки пахнет пепельницей.

Леля резко отодвинулась.

– Хам и невоспитанный тип.

Антон повернулся, подпер щеку рукой и поинтересовался, кивнув в сторону почти добитой бутылки водки:

– Слушай, прости, конечно, но у тебя, что какие-то проблемы? Надо расслабиться?

Леля немного обиделась и завелась.

– А ты мне что, отец родной?

– Да нет, – растерялся Гризов, – не отец. Так, помогаю расслабиться.

– Ну, вот и помогай.

Гризов понял намек, крепко обнял отстранившуюся было

девушку, и не отпустил. После четвертого раза Леля крепко заснула. Антон наоборот, только проснулся. А еще позже, после получасового разглядывания потолка решил, что заснуть, похоже, точно не удастся, пока весь хмель не выйдет. И решил прогуляться, подышать свежим воздухом.

Он осторожно вынул свою руку из-под головы спящей брюнетки, та пробормотала что-то нечленораздельное во сне, но, судя по обвинительному тону, это было похоже на «верните руку на место». Антон выбрался из-под одеяла, осторожно, чтобы не греметь посудой, оделся. На цыпочках, словно розовая пантера, вышел из номера, прокрался мимо пустой стойки консьержки и оказался среди сосен.

Летняя ночь висела над Финским заливом. Сессия закончилась. Наперекор всем прогнозам неотвратимо надвигалось тепло. Хотя, в Питере тепло понятие непонятное, фантастическое и неуместное. Как кабриолеты и машины с тонированными стеклами в нашем дождливом климате, где солнце появляется пять раз в году. Может быть шесть.

После бурного вечера наступившая тишина была непривычной и давила своей массой. Хотя, прислушавшись к ночным шорохам, уставший за последние сутки от учебы, пьянок и секса журналист, немного расслабился. Ночные звуки приятны. Они неторопливы и навевают романтические мысли. Взглянув в сторону залива, до которого было не более трехсот метров, он разглядел тонкую полоску света. Начало июля. Белые ночи еще в самом разгаре. И он решил прогу-

ляться по берегу ночного залива в одиночестве.

Глава третья. «Ночные бомбардировщики»

Углубившись в прибрежный лесок, состоявший из крупных сосен, Гризов повернулся спиной к шоссе, нащупал в темноте тропинку и нетвердой походкой направился к воде. Очень скоро он услышал шум волн, набегавших на прибрежный песок. Просветы между деревьями увеличились, и Гризов ступил на песчаную полосу побережья. Это был пляж, утыканный грибками и кабинками для переодевания. Преодолев первую полосу заграждений, Антон выбрался на открытое пространство и подошел к самой воде. Здесь песок соприкасался с доисторическими валунами, за которым начиналась полоса тины и водорослей, протянувшаяся вдоль всей линии прибоя.

Гризову захотелось снять ботинки, потрогать песок голыми ногами и закурить. Он так и сделал. Снял ботинки, постоял на еще хранившем дневное тепло песке, а затем пригнулся на плоском прибрежном валуне и с наслаждением закурил.

Справа от него маячила темной глыбой гостиница «Репинская». Слева вдалеке виднелся оставшийся позади, спящий Сестрорецк, слегка намеченный огнями. На другом берегу поблескивал Ломоносов. Как, в сущности, все это бы-

ло рядом. Гризов мысленно поблагодарил товарища Сталина хотя бы за то, что тот отвоевал у финнов столь красивые территории, где Гризов мог теперь сидеть и курить, наслаждаясь покоем.

Волны накатывали одна за другой, то и дело обдавая трезвеющего журналиста холодными брызгами. Антон с удивлением различил голоса за своей спиной и, обернувшись, заметил, что он тут не один. Пляж был просто усыпан гуляющими парочками и даже целыми компаниями, большинство из которых сидело на песке и курило, глядя на светлое ночное небо, заполнившее надводный мир. Он даже попытался сосчитать их по тлеющим в ночи огонькам сигарет, но вдруг его ухо уловило посторонний для этой идиллии звук. Нет, залив шумел по-прежнему, сосны качались и поскрипывали. Но ко всему этому примешивался пока едва уловимый звук, – это был шум турбин самолета.

Звук усилился. Гризов оторвал свой взгляд от мерцающего горизонта и направил вверх. Буквально через несколько секунд он увидел звено самолетов. Нет, это были не какие-нибудь «АН-26», оборудованные для сбора информации о погоде или разгона облаков перед важными мероприятиями. Ведь, в сущности, только их, да еще редкие пассажирские лайнеры и возможно увидеть в небе курортного района. Но стреловидный силуэт не оставлял сомнений. Это были военные самолеты, скорее всего, штурмовики.

Самолеты летели клином, один чуть впереди. Он вдруг

быстро пронесся над головами отдыхающих, оторвавшись от остальных. Гризов продолжал следить за ним с интересом профессионала и пытался определить его тип и марку. Ему, как журналисту, хоть и пьяному, даже стало интересно, что это за учения проводят среди ночи в нашем северо-западном военном округе, да еще отправляют военные самолеты туда, где им в принципе летать запрещено. Ответа долго ждать не пришлось. Самолет неожиданно сделал крутой разворот над финским заливом, на секунду на фоне светлого неба мелькнул его хищный профиль, и направился обратно в сторону прибрежной полосы. Этой секунды наметанному глазу Гризова было достаточно. Это был он, одноместный всепогодный.

Самолет вдруг резко пошел на снижение и держался теперь не выше пятисот метров. Остальные четыре остроклювые птицы, тоже делали разворот над водной гладью финского залива, но гораздо медленнее. Словно давали возможность неожиданно появившимся зрителям вдоволь полюбоваться их хищной статью. Гризов вдруг ощутил себя на каком-то дурацком, фантасмагорическом реалити-шоу, и спинным мозгом почуял, что эти самолеты ищут его. Именно его.

Не успел он еще как следует обдумать эту странную мысль, как первый самолет выпустил одну за другой две ракеты по побережью. Едва отдыхающие увидели, что по ним открыли огонь, на пляже поднялся страшный визг. Лю-

ди бросились врассыпную. Журналист не двинулся с места, лишь крепко затянувшись сигаретой. Со странным спокойствием он наблюдал, как ракеты проходят низко над его головой и уносятся дальше. Он почему-то был уверен, что бьют не по песчаной полосе. Нет. Рядом. Чуть дальше.

И когда всего в нескольких сотнях метров за его спиной раздались, один за другим, два мощных взрыва, Гризов абсолютно точно знал, куда именно попали ракеты. С треском обрушилось несколько сосен, сломанных взрывной волной. Гризов очнулся от оцепенения, сполз с камня и спрятался за грудой валунов, потому что чувствовал, что это еще не все.

Первый «Су-35» пронесся над ним и исчез в темноте восточной стороны неба. Остальные четверо клином тоже прошли над ним, но не просто так. Журналист услышал, как в небе возник характерный вой, который могли издавать только пикирующие авиабомбы. «На всякий случай», – отрешенно подумал Гризов.

Вой резко усилился, устремился к земле, а когда достиг ее, то все вдруг стихло. На миг возникла звенящая тишина, которая вдруг разорвалась с оглушительным грохотом. В небо взметнулись фонтаны огня, поднимая на воздух груды кирпича, бетона, переломанных стволов, искореженные автомашины и просто глыбы земли. Словно из-под земли на волю пробил себе дорогу поток лавы, разбудив долго спавший вулкан. Темное на востоке небо стало еще чернее. Туча пыли заволокла окрестности, а взметнувшиеся в небо об-

ломки посыпались с небес на землю, засоряя сотни метров окрест. Ударная волна прокатилась по пляжу. Всех кто прятался в прибрежном лесу, наверняка убило. Волной снесло все грибки и кабинки для переодевания, а просыпавшийся на песок мусор, мгновенно превратил отличный пляж в городскую свалку.

Журналист лежал меж валунов, вжавшись в камень. У Гризова звенело в ушах, его засыпало землей, но к счастью ничего более тяжелого на него не упало. Он был жив. Самолеты ушли в темноту неба, оставив полностью развороченный кусок побережья. И, Гризов даже боялся подумать, что он увидит на месте мотеля «Озерный край».

Антон пролежал еще какое-то время, собираясь с духом. Его привел в себя чей-то громкий плач. Гризов поднял голову и увидел, что метрах в тридцати от него плачет девушка. Рядом с ней в двух шагах от валуна, за которым они, видимо, прятались, лежал парень, нелепо выгнув руки и ноги, и неестественно вывернув шею. С первого взгляда Гризов понял, что парень пытался бежать, но взрывной волной его отбросило назад и размозжило голову о камни, переломав заодно и все кости.

Издали послышался вой сирен. «Пора, решил, наконец, Антон, сколько можно прятаться от жизни». Он встал и как зомби побрел в сторону мотеля «Озерный край», обходя поваленные грибки, рассыпавшиеся в прах кабинки и обломки стволов еще недавно кряжистых сосен. В воздухе висела

земляная взвесь, было трудно дышать. Перед тем как войти в зону поваленного леса, Гризов остановился и в последний раз оглянулся на широкую гладь Финского залива. Зыбкая летняя ночь закончилась, рассвет набирал силу. Постояв несколько секунд, словно впитав в себя на прощанье этот мирный пейзаж, журналист снова зашагал в сторону Приморского шоссе.

Впереди что-то горело, похожее на адский огонь. Сосны валялись вокруг в таком чудовищном беспорядке, словно здесь только что упал Тунгусский метеорит. Перебираясь через поваленные стволы, метров через сто, Гризов добрался до края воронки и остановился, не веря своим глазам: мотеля «Озерный край» больше не существовало в природе.

Воронка была огромна, метров пятьдесят в диаметре. От приземистого двухэтажного здания с уютными белыми окнами не осталось и следа, также как и от его постояльцев. Гризов тупо вглядывался в развороченную землю, куски битого кирпича и горящие за дальним краем воронки, перевернутые вверх дном, искореженные автомобили. Он не мог поверить, что все вот так быстро и нелепо произошло. Зачем? Почему именно сейчас? Да и кто вообще все это натворил?

Все, кто мирно спал в этом мотеле, мертвы. Также, как и пьяная девочка Леля. Она погибла во сне вместе со всеми. Погибла, потому что это он ее сюда притащил. Погибла, как и те, кто провожал белые ночи на берегу залива. Гризов не мог отделаться от мысли, что один виноват во всех этих

смертях.

Словно отголосок прошлой жизни, той, что была до армии, ему вдруг вспомнилась Катя. Воспоминание было смутным, словно образ Кати находился за толстым звуконепропускаемым стеклом. Нет, она не умерла, не пропала, не бросила его, дождалась из армии. Но, вернувшись, спустя короткое время, Гризов понял, что они вдруг как-то безо всяких видимых причин стали чужими друг другу. Все-таки два года это срок, он позволяет проверить свои чувства, как говорят в ЗАГсе. Но до ЗАГса они не дошли. Тихо, мирно расстались. Да и к чему громкие слова, если все было понятно и так. Несмотря на все положительные предпосылки, все-таки НЕТ.

С той поры прошло уже почти два года, и Гризов иногда спрашивал себя, правильно ли он поступил. И внутренний голос почему-то уверял его каждый раз, что правильно. Ибо Гризов в глубине души верил в то, что если встретишь свою судьбу, то сомнений не будет. А тогда они были. Несмотря на все положительные предпосылки, были.

С противоположной стороны воронки засверкали многочисленные мигалки и завывали сирены. На место происшествия приехало сразу несколько машин милиции и скорой помощи. Гризова, стоявшего между обломками сосны, с противоположной стороны наверняка было не видно, кругом дым, пыль, бурелом. Он решил признать то, что увидел, случившимся, а вмешательство милиции в это дело ниче-

го уже не исправит. Поэтому можно было уходить, не привлекая внимания. А то станет свидетелем, а свидетели, как известно, долго не живут. Лучше самому попытаться разобраться во всем. Теперь для него это личное дело.

Гризов попятился назад, вернулся на пляж и прошел по мокрому песку добрый километр, прежде чем снова выбрался на шоссе подальше ото всех мигалок. Затем он еще долго шагал по ночному пустынному асфальту. Слева по ходу шумел Финский залив. Светало. Но Гризову было наплевать на рассвет. Лишь перед самым Зеленогорском, когда до друзей было уже рукой подать, он поймал шальную «Газель» и подъехал последние пять километров пути. Но к друзьям не пошел. Закатился сразу на вокзал, купил газету в круглосуточном киоске и, примостившись в зале ожидания, стал ждать первую электричку на Питер.

В газете писали, что Бен Ладен так и не пойман. Пронырливый и скользкий президент всех американцев не смог разыскать в Афганистане террориста номер один. Тот как в воду канул. Помимо чисто политической информации коллеги-журналисты сообщали, что народ Афганистана, согласно достоверным американским источникам, приветствует освободителей. Простые люди с радостью пьют «Кока-колу», о которой мечтали столько лет, мужчины-моджахеды выразили желание сдать оружие и научиться играть в бейсбол, а освобожденные от рабства ислама женщины теперь мечтают стать девушками по вызову и демонстрировать свои преле-

сти за доллары всем желающим. Скоро в Кабуле планировалось первое в истории освобожденного Афганистана шоу в стиле «Плей-бой», пока под охраной военных.

«Да, с грустью подумал Гризов, если хочешь уничтожить национальную культуру в какой-нибудь стране, то туда надо завезти «Кока-Колу», «Пепси-Колу» и «Плейбой». Не надо даже водки. Очень скоро все и так станут животными».

Объявили посадку на первую электричку. Гризов выбросил газету в урну. Забыв купить билет, вошел в вагон, сел на деревянную скамейку, притулился у окна и кемарил до самого прибытия на Финляндский вокзал.

Оказавшись снова в городе, он впервые задал себе самый неприятный вопрос «Что дальше?». Домой почему-то не хотелось. Не то, чтобы боялся бомбардировок в центре Питера или каких-то бандитских наездов по поводу проведенных журналистских расследований. Просто не хотелось. Хотя теперь, похоже, можно было ожидать всего. Странно, но Антон был уверен, что это не стандартная мафия, там он так сильно еще никого не достал. Так, покусывал пока, за это не убивают. Тем более не ракетами. Слишком много чести. А вот с самолетами он, похоже, кому-то крупно наступил на хвост. Предположения, конечно, были, но кроме них ничего существенного. Хотя эта версия выглядела самой правдоподобной, все равно не верилось. Чтобы так, из-за одного журналиста посылать целую эскадрилью сравнивать с землей мотель, перепахать кусок пляжа, наделать столько шума, все

это как-то не укладывалось в голове. Бред какой-то.

Все это время Гризов стоял на перроне Финляндского вокзала и размышлял о своей судьбе, мирно прожевывая пирожок и по привычке рассматривая заголовки газет в киоске. Когда пирожок закончился, Антон рассудил так «Кому суждено умереть под бомбами, тот не утонет». И поехал домой спать.

Следующие несколько месяцев прошли на удивление спокойно. Гризов ел, спал, ходил на работу писать статьи. Особенно ни от кого не прятался. На него никто больше и не охотился, не бомбил, не расстреливал. Ближе к осени ему стало казаться, что все, что произошло с ним в ту ночь на берегу Финского залива возможно и не происходило. Это наверняка был пьяный бред. Однажды, он даже выбрался на место тех событий, чтобы удостовериться, что мотель «Озерный край» стоит себе, целехонек. Но его там не было. Шоссе залатали, воронку засыпали и уже возводили на том самом месте новый мотель. Все-таки это был курортный район. А дорогая земля долго пустой не бывает.

Самым примечательным событием этой осени стало шоу «Война в Ираке-2». Литтл-Буш, наплевав на все мировое сообщество, решил укрепить свой поникший рейтинг. Для этого, как всегда, требовалось убить пару миллионов мирных граждан какой-нибудь отдаленной страны. Желательно, из тех, кто не любит «Кока-Колу». И выбор снова пал на Ирак, ибо Хусейн неоднократно плевал в сторону США и грозил

кулаком, а Литтл-Буш этого больше решил не прощать. Тем более надвигались очередные выборы. Рейтинг, дело серьезное. Есть у Хусейна оружие массового поражения или нет, это было уже не важно. Как говорят врачи, был бы больной, а болезнь найдется.

Стянув свои военно-морские и военно-воздушные силы в Персидский залив, США начали самое глобальное шоу в истории человечества. Нет, войны римской империи, должно быть, тоже были впечатляющими, но у римлян не было телевидения. Они не начинали войны после телевизионных репортажей, хотя, тоже знали, чем развлечь массы.

Война началась. Гризов смотрел репортажи с места событий, и думал, до чего же опустилось человечество, с тех пор как у него появилось телевидение. Он ловил себя на мысли, что от той ракеты, которая так красиво стартовала с подводной лодки в направлении Багдада, через несколько минут умрут сотни людей, и он наблюдает за происходящем в прямом эфире. Да не просто наблюдает, а внимательно рассматривает всю подготовленную каналами для него статистическую информацию в виде сносок под кадром: сколько убитых, сколько раненых, сколько сожгли танков, сколько сбили вертолетов. Что лучше автомат Калашникова или винтовка «М-16». Насколько крут суперджип «Хаммер». При этом, сколько такая махина сжигает топлива за пять минут, и что именно для того, чтобы пожиратели гамбургеров возили свои усталые задницы в широких машинах, и была затеяна

эта война, никто ничего не сообщал. Эти люди готовы затеять войну, лишь бы не менять своих привычек. На остальных обитателей планеты им глубоко наплевать.

Гризов смотрел это грандиозное реалити-шоу и в тайне надеялся, что вот сейчас brave иракцы покажут самоуверенным американцам, где раки зимуют. Достанут свое секретное оружие и надерут задницу. Но конец оказался печален. Гризов разочаровался в восточных боевиках. Бомбы подкладывать мирным людям в дома они мастера, а вот схлестнуться с регулярной армией, да еще идейных противников, американцев, и проиграть, это позор. Задницу не надрали, и довольные американцы, сидя на броне танков, словно в 1941 году головорезы дивизии СС «Адольф Гитлер», вступали в древний Багдад.

«Да, подумал Антон, если этих носителей вируса «Кока-Колы» не остановить, они всю землю загадят своим присутствием». Многие журналисты, рискуя жизнью ехали в Ирак. Многие, прибыв туда, отсиживались в укромных уголках, где американское оккупационное командование гарантировало им неприкосновенность, и развлекали зрителей репортажами типа «Анна, смотрите, как за моей спиной красиво пролетела ракета». Гризов решил не ехать. Дело уже сделано. Не стоит участвовать в шоу.

Однажды рано утром в комнатушке на канале Грибоедова неожиданно зазвонил телефон. «Кто это в такую рань?» удивился журналист, и, стараясь не допустить раздражения

в голосе, поинтересовался уже в слух:

– Ну и кто там, блин, так не вовремя?

– Извини, конечно, если разбудил, – раздался в трубке знакомый голос главного редактора газеты «Северная стрела».

– А, это вы, – пробормотал сонный Гризов – чем, как говорится, могу?

– Тут такое дело, Антон, – как бы издалека начал Свен Иванович, – Через три часа в Пулково на запасной полосе приземляется борт 1010. Это военный борт. Транспорт «Ил-76», который летит в Ирак и везет целую пачку журналистов, которые пишут и снимают серьезные репортажи о горячих точках. То бишь спецрейс для нашего брата. В общем, предлагаю тебе проветриться и слетать на недельку в Ирак. Вместе с вами летят военные и парочка дипломатов, охрану во время пребывания в Багдаде обеспечат. Пропусками для журналистов в разрешенные зоны снабдят, я позаботился. Голодать не будешь. Ну, а мне нужен забойный репортаж и фотографии. Так, чтоб кровь в жилах застыла. Ну, что, испугался?

Гризов на секунду задумался. Ему предлагали стать участником шоу. Но с другой стороны, любой журналист – участник шоу, игрок в независимость, так почему тогда не сыграть в свою пользу. Кроме того, хотелось развеяться, а лучшего способа встряхнуться, чем оказаться под пулями и обстрелами для настоящего журналиста не придумаешь. Без рис-

ка для жизни, эта самая жизнь не так вкусна. Кроме всего прочего, перед внутренним взором Антона постоянно маячили пропавшие самолеты и угроза умереть в собственной постели под бомбежкой. Так какая разница там или здесь. А в случае удачи есть шанс продвинуться. Рассудив так, Гризов ощутил себя Д'Артаньяном, который решил посветить всего себя без остатка военной службе и стать маршалом Франции.

– Хорошо, я лечу.

– Ну, вот и славно, – проговорил Свен Иванович, – Собирай барахлишко и через три часа будь в зале ожидания «Пулково-2». После того, как спецборт сядет, туда, специально за тобой на пять минут выйдет майор Корнеев. Покажешь ему свое удостоверение и паспорт, этого хватит. Сам понимаешь, визы получать не надо. Он проведет тебя через контроль и посадит в самолет. Ну а дальше, – по обстановке. Гляди в оба, снимай. Без забойного репортажа с морем крови не возвращайся.

– Хорошо, – ответил Антон еще сонным голосом в трубку и подумал, что газета «Северная стрела» начала стремительно желтеть. «Море крови» ему подавай. Может еще и отрубленные головы, руки и ноги? Наверняка не откажется. Современного толстокожего обывателя ничем более слабым и не шокировать.

– Ну, удачи! Через неделю свидимся. Сильно в пекло не лезь, ну да что тебя учить. Лучшая жилетка, – бронежилетка.

Как вернешься, позвони.

– Договорились, шеф.

В трубке слышались гудки. Гризов бросил ее на рычаг и посмотрел на квадратные часы, стоявшие на письменном столе. Почти семь утра. Получается, что борт приземляется в десять. Это означает, что пора вставать и собираться в дальний путь.

Осознав это, Гризов по еще не совсем забытой армейской привычке пулей вылетел из кровати, натянул майку и треники, с закрытыми глазами побрел умываться. Поливая холодной водой свое опухшее ото сна лицо с узкими прорезями для глаз, Гризов снова вспомнил армию с ее обычными ранними и, кроме того, тренировочными подъемами. Вспомнил, как их поднимали по три-четыре раза за ночь, заставляли одеваться и строится на плацу в любую погоду. И столько же раз приходилось «отбиваться». Тренинг «Подъем-отбой», ему казалось, он не забудет никогда. Антон вспомнил свое тогдашнее страстное желание, даже мечту, поскорее вернуться на гражданку, потому что там, ты можешь просыпаться когда угодно и даже после этого еще долго валяться в постели. Человек, который не прошел сквозь невозможность высыпаться, этого не поймет никогда. Не прочувствует.

Покончив с моционом, Антон зашел на общую, коммунальную кухню. Залез в свой холодильник, вскрыл банку тушенки, высыпал на сковороду и разогрел вместе со вчераш-

ними макаронами. Расположился за столом в одиночестве, благо соседи в такую рань, еще спали, и неторопливо перекусил. Лететь далеко, часов пять, не меньше. Поэтому следовало заправиться. Когда придется перекусить в следующий раз еще не понятно. Покончив с макаронами, набадьяжил себе вчерашнего кофе. В шкафчике с хлебом нашлась почти свежая булочка с маком. Все. На этом прием пищи закончен.

Вернувшись в комнату, Антон вытащил из глубин шкафа свой компактный альпинистский рюкзак, сложил туда самое необходимое для такого случая: крепкие сандалии, рубашку, майки, шорты, колониальную панамку, солнцезащитные очки, фонарик, диктофон, кассеты, пачку батареек. Немного поразмыслив, добавил коробку спичек, зажигалку, многофункциональный нож, изоленту и пару банок мясных консервов. Мало ли что в дороге может приключиться. С особой осторожностью упаковал свой редакционный «Никон», который периодически хранил у себя дома. В кармашек засунул блок пленок «Кодак». На первое время хватит.

Нет, Гризов не был профессиональным фоторепортером, но снимать умел, питал страсть к фотографии. А поскольку часть мотался по отдаленным командировкам, то приходилось и снимать самостоятельно, как настоящий русский многостаночник. В отличие от иностранных коллег, которые возили с собой целый штат помощников для написания статьи, – фотографов, менеджеров, секретарей, – Гризов обходился собственными силами.

Разобравшись хотя бы приблизительно с одеждой, Гризов никогда прежде не бывал в Ираке, но решил лишнего не брать, вспоминая свой первый горный поход. Тогда, боясь замерзнуть на высоте, он нагрузил в рюкзак массу теплых штанов и свитеров. В результате таскал лишние десять килограмм и чуть не умер от натуги, поскольку бросить было жалко, вещи то хорошие, хотя в походе негодились совсем. Весь путь через Кавказ Антон проделал в одних тренировочных штанах и майке. Изредка надевая то-то теплое на стоянках. Вспомнив о печальном прошлом, на этот раз Гризов решил взять только то, в необходимости чего был уверен. Остальное как-нибудь раздобудет на месте, если понадобится, или перебьется. Журналисты, как кошки, народ живучий.

Мельком взглянув на часы, было уже начало девятого, Антон оделся в джинсы и походную куртку, издав далеко напоминающую студенческую форму стройотрядов советских времен. Зашнуровал крепкие и легкие туристические ботинки. Забросил рюкзак за плечи и вышел на улицу, осторожно прикрыв за собой дверь: соседи по-прежнему спали после вчерашних семейных праздников.

Прежде чем отправиться в дорогу, Гризов дошел до ближайшего перекрестка, на котором кучковались ларьки в надежде прикупить бутылочку лимонада. Приблизившись и осмотрев витрины, журналист обнаружил засилье американских напитков в российской торговле. «Пепси-Кола» с «Ко-

ка-Колой» были, даже «Миринда» с «Седьмым Апом», а вот ни одного русского лимонада на наблюдалось. Но Гризов не сдавался и, обшарив все вокруг, в последнем ларьке обнаружил-таки заветный «Колокольчик». Открыл его, с наслаждением отхлебнул и взглянул на часы: без двадцати девять. Надо ехать в аэропорт.

Поскольку родная газета обещала все оплатить, то Гризов тут же на перекрестке поймал такси. Бросил рюкзак в широкий багажник и, велев ехать в Пулково, устроился на заднем сиденье «Волги», попивая шипучий лимонад. Машина рванулась вперед. Журналиста мягко вдавило в сиденье. Путь на восток начался.

Таксист оказался лихачом. Уже много людей ехало по своим делам и самое пробочное время было в разгаре. Но водителя «Волги» это совсем не волновало. Врубив какую-то тяжелую музыку на полную, кажется Manowar, он ловко выруливал, лавируя между другими машинами потока, и лихо подрезал иномарки. Наблюдая за его профессиональными действиями, Гризов начал сомневаться, что доедет до Ирака. Его земной путь мог закончиться в любую минуту. Круче этого таксиста были только водители маршруток. Эти короли дороги вообще ездят без башни и не признают пробки. Не обращая внимания на сигналы светофоров, они смело рулят по газонам, пешеходным переходам, трамвайным путям, видимо, ощущая себя танками, от которых шарахаются даже «Мерседесы». Из-за таких крутых чуваков ежедневно про-

исходит множество аварий со смертельным исходом, гибнет масса людей, но они неисправимы. Они все русские по духу, им хоть кол на голове теши, даже если за рулем маршрутки армяне или китайцы. Попад в эту страну, через несколько месяцев любой китаец пропитается русским духом и станет лихачом, если только родная диаспора не спасет его от влияния среды с помощью «Цы Гуна» или «Тай-цзи Цюаня».

Но этот таксист умудрялся пока ехать без ДТП и преодолел благодаря своему опыту лихача уже половину города. Через пятнадцать минут «Волга» уже неслась в среднем течении Московского проспекта и скоро должна была оставить позади город-герой.

Мягко покачиваясь на заднем сиденье, Гризов смотрел в окно, наблюдая за проносящимися домами и людьми, но думалось почему-то не о предстоящем путешествии. Ему вспомнилось как несколько месяцев назад он вот также сел на заднее сиденье «Волги» с красивой девчонкой по имени Леля, которая была чем-то огорчена тогда, но, несмотря на это, провел с ней шикарный вечер. А потом ее не стало. Из небытия прилетели черные самолеты и забрали ее душу с собой, оставив в душе самого Гризова какое-то жуткое непонимание происходящего вокруг. Вроде бы ничего больше не случается, но в то же время он что-то незримое ощущал вокруг себя. Что-то враждебное копошилось, но пока не показывалось на поверхности. А Гризов не мог понять, что это: галлюцинации от переработки или просто врожденная нев-

растения и подозрительность, постоянные спутники журналиста.

В любом случае, это хорошо, что Свен Иванович именно сейчас решил подбросить ему это задание. Выйдет случай отвлечься от мыслей. Как-никак дальние страны, захваченный оккупантами Ирак, длительный перелет на военном-транспортном самолете, коллеги-журналисты, с которыми можно всегда заложить за воротник, перестрелки, палящий зной, романтика, одним словом.

Инстинктивно перекрестившись, когда такси с визгом покрышек об асфальт, притормозило у входа в аэропорт «Пулково», Антон расплатился и вылез. Прищурившись на солнце, которое резво взбиралось на небосвод, закинул рюкзак на плечи. Бросил прощальный взгляд на питерскую землю и решительно вошел в здание.

Поднялся по лестнице, оказавшись в зале отправления, сбросил рюкзак на гранитный пол, осмотрелся внимательно по сторонам. И с первого взгляда заметил того, кого искал. Рядом со стойкой номер восемнадцать, где не было ни одного желающего пройти на регистрацию, стоял широкоплечий низкорослый мужчина в зеленом кителе с погонями майора ВДВ. Их взгляды встретились. Обшарив глазами Антона, словно тот был новобранцем, мужчина в погонах сделал три шага на встречу и командным тоном спросил:

– Гризов?

От звука этого голоса у журналиста по давно забытой, ка-

залось, привычке засосало под ложечкой, хотя где она находится, эта самая ложечка, он долго пытался выяснить, но так и не смог. Все-таки за годы службы отцы-командиры накрепко вбили необходимость подчиняться тому, кто разговаривает с тобой командным голосом. Выработали рефлекс, согласно которому перед майором стоял младший сержант. Но, он был уже гражданским, как ни крути. А потому, помедлив немного, что уже было не по уставу, пошутил в ответ:

– Я-Я. Так точно. А вы майор Корнеев?

Глава четвертая. «Багдадский халифат под контролем»

Майору явно не понравился ответ, но, ничего не поделаешь, перед ним действительно был не новобранец. Поэтому, скрепя сердце, тот ответил:

– Да, я майор Корнеев. Мне приказано встретить журналиста из газеты «Северная стрела» и взять на борт. Документы не забыл?

Гризову, надо сказать, тоже не нравилось когда с ним, да же не познакомившись толком, разговаривают приказным тоном, как в армии, да еще на «ты», но хамить майору он пока не стал. Поживем, увидим, что дальше будет. Нахамить никогда не поздно.

– Не забыл. Все при мне, – Антон вынул из нагрудного кармана своей полубрезентовой куртки загранпаспорт и удостоверение личности с фотографией. Протянул майору, – Вот мой аусвайс с печатками.

Тот взял их цепкими пальцами, похоже, больше привыкшими вытаскивать гвозди за шляпку из досок ради забавы, чем проверять документы. Внимательно проглядел. Проверил печати. Медленно вернул назад.

– Следуй за мной, – и, развернувшись, прошел сквозь выпускное отверстие рядом со стойкой номер восемнадцать.

Гризов снова надел рюкзак на плечи и пристроился в кильватер за майором. Корнеев шел не оглядываясь, уверенным шагом, слегка приседая, словно на рессорах. Наблюдая коренастого майора со спины, журналист решил, что этот во-яка большой спец по рукопашному бою, карате, дзю-до, самбо и прочей фигне, которая помогает выжить и тренирует волю вместе с телом. Этот вывод он сделал, присмотревшись к походке, тому, как именно майор опускает подошвы ног на пол, осторожно нащупывая пол носком ботинка. Как переставляет ноги, словно со встроенными пружинами, в любой момент готовый присесть и принять оборонительную стойку, чтобы отразить нападение вероятного противника с любой стороны. Ни дать ни взять Брюс Ли рязанского разлива.

Тем временем майор первым вышел из здания аэропорта и оказался на взлетной полосе. Прямо у входа стоял «УАЗик» военного образца с зашторенными стеклами. Кроме водителя там никого не было видно. Гризов по привычке бросил прощальный взгляд на здание родного аэропорта «Пулково», плюнул на асфальт и полез внутрь машины. Майор Корнеев сел рядом с водителем, судя по нашивкам, сержантом ВДВ.

«УАЗик» глухо заурчал мотором и повез их к самому краю взлетной полосы, где серой громадой виднелся воен-но-транспортный борт, который Гризов, как знаток своего направления работы, классифицировал как «Ил-76МД», в списках наших друзей из блока «НАТО» проходивший под

псевдонимом «Кандид». Как припомнил Антон, это был первый советский самолет, продемонстрированный Западу на Парижском авиасалоне «Ле Бурже» в 1971 году. Разрабатывалась эта машина как мощный межконтинентальный самолет с высокой крейсерской скоростью для перевозки крупногабаритных грузов. Само собой, что среди таких грузов могли оказаться танки, бронетранспортеры, части ракет и прочие нужные для обороны страны вещи. Впервые этот самолет появились на сибирских маршрутах «Аэрофлота». А с 1974 года крылатые машины марки «Ил-76МД» стали поступать на тестирование в советские ВВС. Эта серия самолетов оснащалась хвостовой турелью.

При подъезде к самолету Гризов, прежде всего, осмотрел массивный хвост и несколько разочаровался, не увидев пулеметной турели. «Ну да, подумал он, это же мирный рейс, для журналистов, только вот авиакомпания явно не «Аэрофлот», а скорее «Минобороны». Да и капитан, не капитан, а майор ВДВ. Кто же на этой линии за стюардесс?»

В этот момент массивная хвостовая рампа опустилась, став мостом, по которому «УАЗик» с ходу заехал в огромный салон самолета, как во чрево кита. «Вот это сервис, промелькнуло у Антона в голове. Интересно, попытался развеселить он себя, а выгружаться мы тоже будем сходу, или на ходу?»

Заехав внутрь, «УАЗик» остановился в самом хвосте, припарковавшись между двумя массивными джипами систе-

мы NISSAN Patrol, микроавтобусом TOYOTA и еще одним «УАЗиком». Никаких танков и бронемашин, прикрепленных к полу и стенам, Гризов не заметил, что еще больше настроило его на мирный лад, хотя расслабляться было рано. Летели они все-таки в только что оккупированную страну, где еще теплилась война, а не в «Минеральные воды» попить нарзану.

Выйдя из машины, майор Корнеев указал в начало огромного салона где, виднелась группа людей.

– Тебе туда, – сказал он на прощанье, – суточные на неделю, а также инструкции получишь у полковника Губанова, начальника этого полета. Он же твой непосредственный начальник на время пребывания в Ираке.

Гризова опять потянуло возмутиться, но обстановка не располагала. Едва за прибывшими успела закрыться хвостовая рампа, как, запустив свои четыре турбореактивных двигателя, «Ил-76МД» стал плавно выруливать на взлетную полосу. Корпус самолета завибрировал от носа до кончика массивного хвоста.

Антон не придумал ничего лучшего, как пробраться между машинами к людям и найти полковника Губанова. Это оказалось не сложно. Когда он выбрался из-за корпусов, прикрепленных специальными тросами к полу машин, то увидел оставшуюся часть салона «Ил-76МД», которая была разделена на две части. Самолет был военно-транспортным, и для людей в нем предназначались только грубые деревянные

на вид лавки по бортам, на которых, как курицы на жердочке, могли расположиться несколько сотен десантников. Но в данный момент десантников не было, зато борт вез в Ирак по своим делам нескольких дипломатов, и оставшаяся часть салона была принудительно облагорожена.

Видно, дела были срочные, иначе служители министерства иностранных дел наверняка воспользовались бы более комфортабельным самолетом. К металлическому полу транспорта прикрутили около тридцати относительно мягких кресел, разделив их на две части метровой пластиковой перегородкой. «Ну, прямо первый и второй класс, решил Гризов, увидев эти удобства». Кресла были с подлокотниками, но стандартного советского образца «радость инквизитора». Их видимо сняли с утилизированного «Ту-134».

В салоне первого класса перед креслами, которых было установлено шесть штук в два ряда, установили пару столиков. На них уже стояло несколько початых бутылок коньяка и две полупустых бутылки водки. Вокруг которых была разбросана всякая копчена снедь: колбаса, суджук, шинка, карбонат, шейка. Дипломаты, скинув пиджаки, заполняли, как могли время длительного перелета событиями, рассказывали друг другу анекдоты и громко смеялись.

В салоне второго класса, который отстоял от первого метров на пять, кресла стояли в пять рядов по пять штук. Четыре ряда из них было частично занято. Здесь расположились коллеги-журналисты, разодетые по большей части как сам

Гризов, обложенные всякими сумками и котомками. Было также четверо человек с телекамерами, одетые в попсовые костюмы с галстуками, которые при последующем знакомстве оказались московскими телевизионщиками, летевшими делать сюжет о жизни беднейшего населения Ирака. Гризову они как-то сразу не понравились. Уж если летишь снимать беднейшее население, так хоть сам оденься согласно обстановке. Впрочем, это было их дело.

Антон нашел полковника Губанова, который сидел в первом ряду и пил водку с журналистами из «Московского вестника» и военного еженедельника «Красная звезда», крепкими накаченными ребятами. Эти, наоборот, с первого взгляда Антону понравились. Типичные журналисты, любители побывать в горячих точках и поквасить водки в компании для снятия нервного стресса. Коктейль из этих ощущений и составлял смысл их жизни на данном этапе. Поскольку Гризов предпочитал в жизни то же самое, то быстро сошелся с корреспондентами, выпив за знакомство и единение журналистов всех городов. После чего, он закусил предложенным огурчиком, и предъявил свой аусвайс полковнику Губанову. Тот вяло кивнул, сказал «Садись, где хочешь, лететь долго, инструкции получишь по прибытию в Багдад» и продолжал возлияние с московскими корреспондентами.

Гризов направился к пустовавшему последнему ряду кресел, но по дороге уже на следующем ряду завязал знакомство с блондинкой Натальей, девушкой из Самары, корре-

спондентом журнала «Военная машина». Рядом с Натальей, как она представилась, сидел Василий, фотокорреспондент газеты «Новая Смена» из Свердловска и журналист отдела новостей Петя из той же газеты. Все журналисты, успевшие перезнакомиться за время краткого перелета из Москвы, откровенно обрадовались новому человеку в массовке и предложили присесть, благо одно место пустовало. Антона долго упрашивать не пришлось. Он присел, пропустил пяток рюмок «Сибирской водки», закусил сардинкой, и ему стало хорошо, как и дипломатам из первого класса.

Потрепавшись где-то с полчаса с коллегами и добравшись до следующего ряда, где гуляли журналисты из Краснодара и Владивостока, он задержался там еще на полчаса. На четвертом ряду сидела компания попсовых телевизионщиков, где Антон только обменялся рукопожатиями, хотя его уже слегка развезло и тянуло на знакомство с поцелуям к единственной смазливой корреспондентке из этой группы, вся роль которой читалась на ее лице с первого взгляда: «Вася, мы слышим вас хорошо, что у вас происходит... Вася?». Тем не менее, он смог сдержаться, и в результате, часа через полтора, когда самолет уже был высоко в небе и далеко от родного Питера, добрался таки до пустующего пятого ряда, за которым уже начиналась парковка джипов.

Кинув сумку на соседнее кресло, изрядно захмелевший Гризов рухнул в кресло. Чем заняться выбор был небольшой. Поскольку иллюминаторов в этом самолете не было, и по-

смотреть с небес на землю не имелось никакой возможности, приходилось убивать время либо разговорами, либо сном. Разговаривать он уже не мог, язык заплетался, да и не с кем было, один сидел на последнем ряду. Читать тоже не хотелось, в салоне было темновато, да и никаких книг и газет он с собой не взял. Можно, конечно, было попросить у коллег, но плохое освещение, утренний недосып и хмель решили эту проблему: минут через двадцать таких размышлений Гризов просто уснул.

По всей видимости, проспал он не меньше трех часов. А когда проснулся, то ощутил, что крупно замерз. Самолет монотонно гудел всеми своими четырьмя двигателями. Вдоль бортов гигантского транспорта дуло так, что ни о какой герметичности не могло быть и речи. Антон пожалел, что не захватил с собой ватник. Как ему вдруг припомнилось максимальная скорость «Ил-76МД» составляла 850 километров в час на высоте одиннадцать тысяч метров. А на такой высоте было ужасно холодно. Тут уже и до космоса не так далеко.

Чтобы отвлечься Гризов стал рассматривать покатый потолок, до которого было метров пять, не меньше. Там, на высоте, были натянуты какие-то тросы. При желании в этот «салон» можно было действительно запихать несколько танков и бронемашин, а может, и чего-то посерьезней. Можно даже загрузить роту десантников.

Гризов через головы посмотрел на коллег: первые три ряда спали хмельным сном. Смазливая корреспондентка кута-

лась в свою курточку и, судя по жестам, проклинала тот день, когда согласилась лететь на это редакционное задание. Уж лучше снимать про жизнь богатых людей в Монако. Там хотя бы тепло и можно на пляже полежать.

Остальные вели вялую беседу. И только дипломаты из первого класса продолжали бодро пить, изредка оглашая огромное пространство «салона» диким хохотом. «Крепкие ребята, подумал Гризов и решил прогуляться по самолету, делать все равно было нечего, а полет еще не закончился».

Впереди за первым классом виднелась дверь в кабину пилотов. Там рассматривать было нечего, поэтому, недолго думая, Антон направился поглазеть на машины, которые «Ил-76МД» нес в своем чреве, словно проглотивший их огромный синий кит. Корреспондент газеты «Северная стрела» прошел мимо парочки джипов NISSAN Patrol несмотря на размеры самолета смотревшимися вблизи настоящими монстрами дорог. Один из джипов он даже пнул ногой по колесу, проверяя надежность японской техники. Техника не подвела. Обошел вокруг микроавтобус TOYOTA, поднялся на цыпочках и заглянул внутрь. Салон выглядел довольно комфортабельным. «Интересно, мы, на чем там будем передвигаться по Багдаду, подумал Гризов, на этой «Тойоте» или на родных «УАЗиках»? Народу-то не мало».

В этот момент он заметил знакомое отражение в стекле микроавтобуса и резко развернулся. Пред ним стоял выросший как из-под земли майор Корнеев, за спиной которого

находилось пятеро накачанных десантников в камуфляже с укороченными «Калашниками» в руках.

– Не спится? – осведомился майор елейным голоском.

– Не а, – нагло протянул Гризов и открыто зевнул, – Хорошо тут у вас, дует.

– Так сидел бы дома, водку пил, – предложил майор, – там теплее.

– Дома мне надоело, – в тон ему ответил журналист, – нужны яркие впечатления. А выпить можно и по пути.

Майор скрипнул зубами, этот развязный журналист явно действовал ему на нервы. Майор терпеть не мог, когда кто-то не подчинялся уставу и делал, что хотел.

– Вам что, – перешел он на официальный тон, – полковник Губанов не объяснил, что во время полета передвижения по салону запрещены?

– Запрещены? – удивился Гризов, – нет, ничего такого не сказал. А если я в туалет, например, хочу?

– Туалет впереди, перед кабиной пилотов, – сообщил Корнеев, которого ширина души полковника Губанова, видимо, тоже не сильно радовала, – А здесь закрытая зона. Сюда заходить запрещено.

– Ладно, – буркнул Гризов, – учту.

И развернувшись, зашагал вдоль борта по направлению к кабине пилотов. Майор Корнеев начинал ему крепко не нравиться. Что за тайны он тут охраняет: пять машин, чьи силуэты известны миру уже как минимум лет двадцать? Впро-

чем, как и сам самолет. Или они тут наркотики военным рейсом перевозят? А может просто майор по жизни зануда. Служба такая. «А, ну его к черту, решил Гризов, доберемся до Багдада, там и посмотрим, что за фрукт. А, может, и не увидимся больше».

Разыскав туалет, на удивление узкий и низкий, для такого огромного самолета, Гризов сделал свое дело и вернулся на кресло. Охота бродить пропала. Он разыскал у проснувшихся коллег по цеху, более основательно подготовившихся к полету, лимонад. Отпил. Немного притушил огонь, бушевавший во рту, и дремал до тех пор, пока самолет не пошел на снижение.

Только перед самой посадкой, проспавший весь полет крепким хмельным сном полковник Губанов встал со своего места и со слегка опухшей физиономией, заплетавшимся языком, вкратце разъяснил журналистам суть программы пребывания в Багдаде. Гризов сразу ощутил себя на партсобрании.

– Как вы знаете, ребята, Ирак захвачен американцами, которые по просьбе нашего министерства иностранных дел, – полковник кивнул в сторону не перестававших гудеть во всю дипломатов, – согласились допустить вас в Багдад, чтобы вы смогли сообщить своим читателям и зрителям о том, что там происходит.

Тут Губанов неожиданно сплюнул на металлический пол и словно проснулся, заговорив бодрым военным голосом.

– Хотя вы все прекрасно знаете или догадываетесь, что там происходит полная фигня, то есть настоящая оккупация. Как в сорок первом при фашистах. Только американцы любят играть в демократов, мать их, а потому и допустили вас, как представителей свободной прессы. Но, думаю, нигде дальше гостиницы, в которой есть пресс-центр, вас не пустят. Попробуете сунуться куда-нибудь за пределы своей, – полковник напрягся, – ...юрис... дикции, можете нарваться на неприятности. Не от них, так от местных, которые могут порвать на части, не разбираясь, откуда вы родом. Хотя в целом к русским относятся нормально. Оружия сейчас у них на руках тьма, впрочем, как и всегда. Особенно любят они наш «Калашников» и расставаться с ним не хотят, как американцы не стараются.

Губанов замолчал на секунду.

– Ну, денег, как обещали вашему руководству, дадим. В сутки по 50 долларов на человека (с четвертого ряда раздался презрительный смешок). Местные динары вам ни к чему, на доллары быстрее договоритесь прикупить чего-нибудь или перекусить, если прижмет. Пропуск с надписью «ПРЕССА» и местной аккредитацией обеспечим. Жить будете в гостинице «Мухафаз», по ихнему, – губернаторство. Это неподалеку от другой гостиницы «Аль-Рашид», слышали наверное...

Гризов напряг свою память. Да, слышал. Точнее видел сюжет по телеку. Отель «Аль-Рашид» находится в самом цен-

тре Багдада. Это высотное здание, куда обычно селят заезжих иностранцев. Знаменито тем, что часть журналистов из разных стран именно с его крыши наблюдало за налетами американской авиации на город и прямо оттуда передавало свои сюжеты в эфир. Действительно, чего зря напрягаться, ноги стаптывать. Гризову запомнилось также, что на отеле была нанесена арабская надпись из позолоты «Этот отель строился в эру Саддама Хусейна», от которой прикалывались все западные журналисты и часто показывали ее как символ поклонения народа своим диктаторам. Также как и многочисленные статуи, бюсты и портреты Саддама, которым были увешаны почти все стены и утыканы площади городов Ирака. Американцам этого не понять, а вот для Гризова, выросшего на осколках ленинизма, многочисленные бюсты по всем закоулкам были вполне привычны. Народ должен знать своих героев в лицо. А то, не дай Бог, перепутают с каким-нибудь Биллом Гейтсом. Но сейчас, в век телеуправляемого человечества, можно было сэкономить на бюстах.

Взглянув мельком на сидящих спереди пижонов из телегруппы и смазливую корреспондентку, с выражением лица «хочу на пляж», Гризов решил, что ей там должно понравиться. Сиди себе на крыше, на солнышке грейся. Тем более, что ракетные обстрелы закончились.

Вообще-то хорошо, что их селят в этот «Мухо...» Мухафаз». Спасибо что не в отель «Палестина», с которым связано гораздо больше печальных новостей. Во время окон-

чательного захвата Багдада, американские морпехи провели зачистку в гостинице «Палестина», где жила основная масса журналистов. Они проверили все восемнадцать этажей здания на предмет прячущихся там террористов и сторонников Саддама Хусейна. Как они определяли сторонников, Гризов так и не понял. Наверное, по фотографии. Но никого не нашли. На всякий случай, выломав чердачную дверь, осмотрели крышу. И там никого не нашли. Пришлось возвращаться без результатов.

Видно это очень не понравилось начальству морпехов, и, всего через неделю, по этому многострадальному отелю шархнули из танка «Абрамс». По телевизору сообщили, что случайно. Танкист ошибся. Взял чуть левее. Погибли двое журналистов – операторы агентства Reuters Тарас Процюк и испанского «Пятого телеканала» Хулио Ангита Паррада. Еще трое сотрудников Reuters отделались легкими ранениями. Поэтому, когда Гризов узнал о том, что их заселят в отель, прости Господи, «Мухафаз», то был скорее успокоен.

– На всякий случай намотайте на ус, – продолжал давать вводные полковник Губанов, – до начала войны сами иракцы запрещали снимать в Багдаде мечети, дома, мосты, коммуникации, военные объекты и даже бюсты Саддама. Сейчас американцы половину достопримечательностей снесли, но, что касается коммуникаций, мостов и других привлекательных объектов, то делают то же самое, что и иракцы. Иногда могут арестовать, отобрать камеру, засветить пленку, а часто

просто стреляют на поражение. Это вам только дома показывают отредактированную войну, да сами вы ее редактируете, а здесь, обманывать не буду, всякое происходит. Прежде всего, с вашим братом журналистом. Пулю в лоб и, поминай, как звали. Все спишут на арабов.

Губанов замолк надолго. Гризов уже решил, что полковник иссяк, но тот вдруг снова заговорил.

– Ну, да те из вас, кто воробыи стреляные, сами знают. А остальным советую сильно под пули не лезть. На добычу полезных материалов у вас будет неделя. Осмотритесь, попривыкните пару дней, наскребете несколько своих сенсаций, а там и домой пора. Улетаем через неделю тем же рейсом. Выезд из отеля в четыре часа поместному времени, в том же составе на тех же машинах, одним конвоем. Всем быть без опозданий. Ждать не будем, опоздал, – пропал без вести.

Губаном опять замолчал на несколько секунд и улыбнулся.

– Ну, это я пошутил, дождемся всех. А если влипните во что, – вытащим. Как сядем в Багдаде, распределяемся по машинам следующим образом: на джипах NISSAN Patrol путешествует, как сами догадались, дипломатическая миссия. Команда из еженедельника «Красная звезда», как-никак о военных пишут, поедет на «УАЗиках». С ними и «Московский вестник» поместится. Ну, а все остальные, милости просим, с вещами в микроавтобус TOYOTA. Обратно в том же составе.

Гризов бросил взгляд на ребят из «Красной звезды» и подумал «Нет, я, конечно, тоже люблю родную технику, но вы ребята просто экстремалы».

Минут через десять после окончания вводной речи полковника Губанова самолет натужно загудел всеми своими четырьмя двигателями и перешел на бас. «Ил-76МД» сбросил скорость и заходил на посадку. Надежду полюбоваться мечетями Багдада с высоты птичьего полета пришлось временно оставить, – иллюминаторов в том месте самолета, где перевозили журналистов, не было.

Еще через некоторое время все сидящие в просторном салоне «Ил-76МД» ощутили, как военно-транспортная машина заскребла шасси по полосе и грузно опустилась на аэродром имени Саддама. Журналисты, всегда готовые к быстрым сборам, схватили свои сумки, и пошли в хвостовую часть к машинам, занимать указанные места.

Гризов устроился со своим рюкзаком в мягком кресле по левому борту микроавтобуса TOYOTA, в котором, похоже, был даже кондиционер. Вообще, тем, кто ехал здесь, было явно уютнее, чем экстремалам из «Красной звезды» и «Московского вестника», если не вспоминать о дипломатах на их «Патрулях». Дипломаты, к концу рейса все-таки сломались: в «Патрули» их грузили штабелями. Видимо, в посольстве отоспятся, великая дипломатическая миссия подождет.

Наконец, хвостовая рампа открылась, одна за другой машины вырулили по ней, как по мосту, на раскаленную взлет-

но-посадочную полосу аэродрома имени Саддама, и Гризов впервые увидел своими глазами Багдад. Точнее это еще был не сам Багдад, а его пригороды, но то, что сейчас эти места переживают отнюдь не мирные времена, сразу бросились в глаза. Антон заметил, что все пространство аэропорта огорожено сеткой. На самой полосе виднелось несколько крупных воронок от попадания снарядов. Хотя основное здание было почти целым, чем так хвалились американцы в новостях, но это было не главное.

Вокруг слегка потрепанного аэродрома, рассредоточившись, стояла почти дюжина американских танков «Абрамс», перекрывая свободный доступ на поле. Между ними маячили бронированные джипы «Хаммер» с пулеметными турелями в задней части. За одним из пулеметов, который был сейчас направлен на приземлившийся самолет, Гризов заметил американского солдата-негра в каске, который скалил свои белые зубы, откровенно разглядывая русских в прицел. Другие солдаты в камуфляже песочного цвета стояли группами у своих «Хаммеров», лениво курили, рассматривая прибывший самолет. Для них активная война уже закончилась. Вошла в стадию опасной работы, за которую платят деньги. Глядя на людей с нерусскими лицами в камуфляже, которые не проявляли пока никакой агрессии, Гризов вдруг ощутил странный порыв схватить автомат Калашникова и садануть по ним от бедра. Вот они, солдаты вероятного противника. Стоят, ухмыляются.

Конвой выехал из чрева военного транспорта и направился к дальнему выезду с аэродрома, где был оборудован КПП со шлагбаумом, и стояли почти бок о бок два танка «Абрамс». Здесь же, словно одетая в броню стрекоза, припарковался вертолет «Апач» с полным боекомплектom. Американский сержант со взводом пехотинцев за спиной уже поджидал гостей из далекой России.

Первыми к КПП подкатили дипломатические джипы. Следом за ними «УАЗики», последней, мягко притормозив, TOYOTA. Водитель головной машины протянул сержанту необходимые документы, что-то сказал, кивнув в сторону остальных машин. Сержант внимательно просмотрел бумаги, бросил взгляд на тела в салонах за тонированными стеклами, но досматривать не стал, как и полагается. Секунду помедлив, он махнул рукой и шлагбаум открылся, выпуская русских журналистов с аэродрома на территорию оккупированной столицы. Взвизгнув покрывками, словно стартовали от светофора, машины мгновенно покинули гостеприимный аэродром.

Вдоль дороги от аэропорта до первых городских районов потянулись невысокие дома песочного цвета. От проезжавшего конвоя поднялась пыль, в которой эти дома быстро исчезли, словно в песчаной буре. По бокам автострады, сильно потрепанной после недавних бомбардировок и артобстрелов, росли пальмы. Как подумалось Гризову, финиковые. Всю дорогу Антон ехал молча, впитывая в себя раскален-

ный пейзаж за окном. Лишь пару раз перекинулся общими фразами с блондинкой Натальей из Самары, которая сидела с ним рядом. Однако, когда та пару раз прокомментировала происходящее за окном и кое-что поведала о столице Ирака, выяснилось, что девушка здесь уже бывала однажды, еще до войны. Гризов живо заинтересовался корреспондентом журнала «Военная машина» и попросил ее рассказывать обо всем, что она увидит за окном и ли просто о том, что знает о Багдаде. Поделится, так сказать, общей информацией. Наталья оказалась девушкой словоохотливой, и за комментариями дело не стало.

Конвой русских въехал в город. Преодолеl на своем пути еще несколько КПП с американцами, каждое из которых состояло обычно из танка или бронированного «Хаммера» со взводом пехотинцев, и углубился в центр столицы Ирака. За окном потянулись сильно разрушенные кварталы. Солнце палило нещадно. По московскому времени, которое совпадало с Багдадским, было около трех часов дня. Среди обломков зданий ходили ободранные жители, пытаясь что-то среди них разыскать.

– На каждом углу здесь висят динамики, почти как у нас до войны, – сообщила Наталья, указав на один из них.

– Зачем? – удивился Гризов, – иракцы так радо слушают, что ли? Приемников не хватает?

– Не совсем. Каждое утро Багдад будит заунывное «Алла-ах акбар!!!». Усиленный этими динамиками по всем зако-

улкам города разносится призыв к утренней молитве.

– А, понятно, – кивнул Гризов.

Наталья так интересно продолжала рассказывать о достопримечательностях мирного Ирака, что у корреспондента «Северной стрелы» появилось странное ощущение, будто он приехал на обычную экскурсию. А не в оккупированной город с заданием нарыть что-нибудь кровавое и ужасное. Такое, чтобы читатель задохнулся от оргазма.

– На Манус-стрит, что ведет к центру иракской столицы, – продолжала Наталья хорошо поставленным голосом экскурсовода, – к восьми утра по местному времени обычно уже открывают все бакалейные лавки и овощные магазины. На этой же улице находится российское посольство. Раньше от отеля «Аль-Рашид» можно было добраться за полчаса. Хотя, теперь, говорят, много патрулей. Повезет, если по пути от нашего отеля к российскому посольству, не встретишь ни одного патруля из американцев или иракских полицейских.

– А ты, похоже, здесь не заблудишься, – похвалил Гризов коллегу.

Микроавтобус неожиданно выехал на набережную реки, откуда открывался живописный вид на окрестности.

Глава пятая. «Багдад. Миссия начинается»

Антон невольно залюбовался пейзажем: берег обрывался в мутноватые волны реки, которая несла свои древние воды с севера на юг, где-то далеко сливаясь со второй полноводной рекой. Что именно он видел Тигр или не менее знаменитый Евфрат, между которым родилось и умерло множество древних царств, корреспондент точно не знал, поэтому поинтересовался у Натальи.

– А что это за река?

Та на секунду прищурилась от яркого солнечного света, слепившего глаза даже за тонированным стеклом микроавтобуса, но без запинки ответила.

– Это Тигр. Он и Евфрат сливаются у Басры в единое русло и называются там Шатт-эль-Араб. А на другом берегу, как ты видишь, полуразрушенный дворец Саддама. Это, кстати, одна из его главных резиденций. Сразу за которой расположен «буржуйский» район Джадрия. Ну, все как полагается, – богатые особняки с бассейнами, красивые парки с павлинами, живописные берег реки. Царевна Будур и так далее. В общем, все как у новых русских, только на востоке.

Джипы с дипломатами первыми взобрались на мост, чудом уцелевший после бомбежек авиации США. Наверняка,

подумал Гризов, американцы его специально не бомбили, чтоб легче было захватить город, разбросанный по разным берегам реки. Промелькнул военный патруль, который состоял из «Хаммера» и пятерых морпехов, проводивших цепкими взглядами конвой российской прессы с дипломатическими номерами. Следом за джипами мост проехали «УАЗики», а замыкая кавалькаду микроавтобус TOYOTA. Из окна которого, уже на съезде с моста, Антон вдруг узрел разбитое иракское зенитное орудие, которое было спрятано под стенами некогда шикарного дворца так, чтобы не мешать влюбленным парочкам прогуливаться по набережной Абу Навус. Название набережной ему, естественно, тут же сообщила Наталья, удивительный корреспондент журнала «Военная машина», который все знал об иракской столице.

«Надо будет как-нибудь прогуляться с ней по местным достопримечательностям, если времени хватит, – подумал Гризов, чуть дольше обычного задержавшись взглядом на верхней части тела соседки, – думаю, она будет не против, рассказать мне побольше об истории Ирака, а я так люблю историю».

Сразу за мостом джипы с дипломатами ушли налево, а все остальные машины повернули направо. Конвой разделся. Поймав вопросительные взгляды журналистов, полковник Губанов, пояснил:

– Ну, вы же понимаете, что дипломаты живут в посольстве, а не в обычной гостинице. Так надо. Если возникнут

нештатные ситуации или вопросы, требующие разъяснения дипломатической миссии, задавайте их мне, а я переправлю в посольство.

«Тойота» с основной массой журналистов продолжала катиться по выщербленным улицам иракской столицы, на которых, несмотря на жару и военное положение, было не так уж мало народа. На полуразрушенных улицах, даже между завалами простые люди что-то покупали и продавали, выменивали друг у друга. На одном из поворотов Гризов узрел, чуть ли ни идиллическую картину: работающее кафе в полуразрушенном доме, столики, выставленные прямо на улице под парусиновыми тентами с непонятной надписью арабской вязью, престарелого иракца, расслабленно потягивавшего кофе из коричневой миниатюрной чашечки. На его лице отражалась полная безмятежность. Он никуда не спешил, ни с кем не воевал. Сидел и пил свой кофе. В Багдаде все спокойно.

Видимо, эти неистовые арабы так привыкли воевать за свою историю, что несмотря ни на что не ценили короткие мгновения удовольствия посреди ужасов повседневности и не отказывали себе в них никогда.

Василий, фотокорреспондент газеты «Новая Смена», тоже засек багдадский типаж и даже невольно потянулся к своей камере, чтобы запечатлеть его, но передумал. Снимать через тонированное стекло было глупо, выходить пока не разрешали, а, кроме того, микроавтобус, притормозив на пово-

роте, пропустил стайку иракских женщин в чадрах, и, дав газу, быстро покинул перекресток.

– Да, – заметил Гризов вслух, – кругом война, а тут, на островке, полная безмятежность.

Наталья из Самары восприняла это как продолжение разговора.

– Точно. Они какие-то странные, эти иракцы. Когда я была здесь до войны, все о ней уже знали. По идее надо готовиться, делать оружие, рыть окопы, а тут, – полное расслабление и безмятежность. Это от жары, наверное. По всей стране строительный бум, вместо подготовки к войне. На месте бывшего ипподрома, разрушенного во время бомбардировок первой войны с американцами, стали возводить самую большую на Ближнем Востоке мечеть. Начали даже строить метро. Так я тогда интервью взяла у генерального директора транспортных проектов министерства транспорта Ирака Адель Ас-Саддуна. Так он сказал, что местная подземка будет состоять из двух веток. Первая соединит центр города с наиболее густонаселенным и бедным районом – Саддам-сити. В нем живет около двух миллионов человек из пяти, населяющих столицу. А вторая ветка соединит Каррада Месбах на востоке с районом Аль-Байя на западной окраине Багдада. Вот о чем они думали, когда надо было думать о войне.

Наталья задумалась на секунду и добавила:

– Они вели себя так, как будто были уверены, что их кто-

то защитит. Уверены на все сто процентов и неожиданно проиграли войну.

Гризов кивнул и выдал философскую сентенцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.